

Сергей Качуренко

СЕДЬМЫЙ

детектив

12+

Сергей Алланович Качуренко

Детектив «Седьмой флот»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42153506

SelfPub; 2019

Аннотация

Как помочь другу юности, попавшему в опасный переплет? Ведь связь с ним оборвалась много лет назад после досадного инцидента. Но на кону – человеческая судьба, а может и жизнь. Мог ли предположить отставной милицейский полковник, откликаясь на зов о помощи, что окажется в центре событий, не укладывающихся в понятия здравого смысла? Черeda убийств, опасные погони, освобождение заложников, дедуктивные выкладки – такова стремительно разворачивающаяся сюжетная линия романа. А еще – многообразие суждений и метаморфозы жизненных принципов. И все это напитано жизнелюбием, иронией и юмором. Автор обложки С. Качуренко.

События, описанные в настоящем времени, никогда не происходили в реальной жизни.

Все действующие лица вымышлены. Любое сходство с реальными людьми прошу считать случайным совпадением.

Некоторые факты и ситуации взяты из жизни, но изменены – местность, время, имена людей, их нравы. Герои романа являются архетипами, то есть персонажами, смоделированными на основе общего характеризующего образа некоторых реальных людей.

*«Золото убил больше душ, чем железо тел»
Вальтер Скотт.*

Глава первая

ДОХОД

Так называемая одесская трасса, связавшая столицу Украины с южной Пальмирой, напоминает европейский автобан после недавнего капитального ремонта ... весьма отдаленно и в некоторых местах.

Как бы там ни было, но мчать с ветерком по ровным участкам с односторонним движением – сплошное удовольствие. Особенно в сезон летних отпусков.

Не то, что раньше, когда нервы водителей легковушек сда-

вали на полдороги, не вытерпев длительных подъемов и бесчисленных закрытых поворотов. Движение в один ряд, обгоны запрещены, а на пути – неповоротливые фуры, груженные самосвалы и допотопные советские автобусы. Ползет много-тонная каракатица в гору на первой передаче, а следом тащится километровая вереница машин с раздраженными и изнывающими от жары путешественниками.

Нынешняя комфортная монотонность временами грозит погружением в дремоту. Во избежание неприятностей полезно изменять скоростной режим или подсобраться с мыслями.

Подумать есть над чем, ведь еще вчера я никуда не собирался ехать.

Вечерний телефонный звонок застал врасплох. Долго не мог сообразить, чего от меня добывается следователь Приморской районной прокуратуры города Одессы. Говорил настороженно порой бессвязно. Ничего толком не объяснял, настаивая на немедленном приезде. Зато повторил не раз, что от моего решения зависит судьба, а может и жизнь небезызвестного мне человека.

Что оставалось делать? Конечно, соглашаться! Любимый город у моря и без того часто снится, маня к себе с юношеских лет.

Не скрою – пришлось потрудиться, отговаривая жену от намерения составить компанию. В ход пошла вся сила убеждения, и представлены неоспоримые доказательства моего

единоличного и непременного отбытия. Благоверная, как боевая подруга, с первой минуты была готова паковать чемодан, но сдала позиции перед вескими доводами бывалого сыщика. К тому же дел у нее в столице хватало. Как всегда, обошлось без обид.

В истории со звонком настораживал явно завышенный уровень секретности и конспирации, предложенный прокурорским следователем. Содержание разговора предопределяло некомфортное положение. Если дословно передать его жене – значит дать повод для волнения, что само собой противоречит моим принципам. Если соврать – допустить еще большее нарушение.

Пришлось импровизировать на ходу. По факту вроде бы не соврал, только чуточку додумал некоторые подробности. Пояснил, будто одесская прокуратура возобновила расследование по делу двадцатилетней давности. Тогда я приложил руку к его успешному окончанию, а теперь понадобилось уточнить некоторые детали. В итоге, как принято выражаться на розыскной фене: «Соскочил вчистую».

Завершая переговоры, следователь заручился моим согласием приехать завтра после полудня и провел инструктаж с агентурной подоплекой:

– Доедете до рыбного базара перед мостом через Хаджибеевский лиман. Припаркуетесь на автостоянке и позвоните по номеру, который я пришлю завтра утром в СМС-сообщении. Получите дальнейшие инструкции.

Как вам такое?

Добрался до оговоренного места в обеденное время.

Лиман искрился яркими бликами, отражая, как в зеркале палящие лучи южного солнца. На рыбном базаре – шум-гам и привычная толчея.

Невдалеке на каменистом берегу в окружении пирамидальных тополей приютилось неказистое с виду строение – общепитовская кафешка с романтическим названием «Чайка».

Знакомое со времен совка и популярное среди дальнобойщиков заведение ничуть не изменилось за долгие годы. Все тот же бесцветный фасад с зарешеченными окнами, прозванный народом аквариумом. Узнаваемая летняя площадка со столиками под парусиновыми зонтами.

Постигая основы юриспруденции в Одесской школе милиции МВД СССР, я участвовал вместе с другими курсантами в съемках телесериала «Выгодный контракт». По сюжету кинодетектива времен брежневского застоя курсант милиции ввязался в расследование пустякового хулиганства. Интуитивно копнул поглубже и подсобил работникам уголов-

ного розыска вывести на чистую воду шайку шпионов, торговавших секретной информацией.

Некоторые эпизоды снимались на территории школы, куда курсантов сгоняли на массовку. Если же съемки проходили на одесском ипподроме или возле упомянутого кафе «Чайка» – массовка превращалась в оцепление.

Спустя тридцать лет, изнывая от жары, я маячил невдалеке от знакомой кафешки. Укрылся в тени одинокого тополя и набрал присланный накануне телефонный номер. После двух гудков приятный женский голос пригласил посетить кафе и расположиться за ближним столиком возле барной стойки.

Подзабытая конспиративная манера вызвала невольную улыбку и оживила воспоминания: «Дежавю в натуре! По сюжету кинофильма именно «Чайку» облюбовали лазутчики для тайных сделок».

Выполнив указание, подсел к столу и, дожидаясь знаков внимания, поосмотрелся. В душном помещении насчитал четверых посетителей, зато на летней площадке все столики были заняты. По-видимому, ветерок с лимана способствовал приумножению аппетита.

В зале устоялся смешанный дух табака, жареного кофе и борща. Оттого приглушенная мелодичная музыка в сти-

ле нью-эйдж немного диссонировала с кабацким антуражем. Поморщившись, прикинул:

«Уместнее был бы ненавистный шансон. В крайнем случае, кантри».

Наконец, подошла немолодая сухощавая официантка. Изобразив похожесть улыбки, подала папку с прейскурантом и удалилась. Внутри обнаружилась сложенная салфетка с каллиграфической надписью карандашом: «9-я станция Большого Фонтана. Улица Красных Зорь, в тупике. Позвонить по тому же номеру в 19.00».

На этом негласная часть оперативного мероприятия закончилась. Почуввав голодные позывы, дерзнул отыграть роль резидента по полной. Подманив официантку, заказал борщ, картофельное пюре с отбивной и кофе.

Южно-украинский борщ оказался наваристым и густым, отличаясь от столичного – немалым количеством нашинкованного сладкого перца наряду с капустой и душистой зеленью. Не меньшее впечатление произвел домашний хлеб: свежеиспеченный, ароматный, с хрустящей корочкой.

После горячего борща показалось, будто воздух в кафе раскалился. Вместо удовольствия к насыщению прибавилось тяжкое предчувствие. По-видимому, таинственность и шпионские игры навеяли тревогу, отчего никак не получалось сообразить – ввязался я в ситуацию или вляпался.

Одесса встретила бесконечными заторами на дорогах. Транспортные коллапсы для украинских городов стали привычным явлением, а в южной Пальмире даже в советские времена автолюбителей насчитывалось с лихвой. К тому же в равных долях – приверженцев советских легковушек и горделивых обладателей диковинных иномарок с правосторонним рулем. Портовый город – окно в забугорную жизнь!

Теперешнюю ситуацию можно не комментировать, лишь уточнить, что количество транспорта увеличилось в разы, а дороги остались прежние. Картина маслом, как говорят одесситы.

Лишь с третьей попытки удалось свернуть в искомую улочку. Выискивал улицу Красных зорь, а оказался в типичном поселковом проулке, примыкавшем к Фонтанской дороге. Кое-где за деревянными изгородями виднелись хатки старинной постройки, но в целом округа напоминала район Беверли-Хиллз в миниатюре. Шикарные особняки с фасадами разнообразных архитектурных направлений демонстрировали предпочтения владельцев. Порой безвкусные до абсурда.

Отыскав тенистое место, припарковал свой «черато» в тупике возле каменного забора. Не выключая кондиционер, набрал секретный номер. Знакомый женский голос попросил обождать, а спустя минуту в переулок вкатилась белоснежная спортивная «ауди». Вздрыбила пылевую завесу и эф-

фектно тормознула перед капотом моей машины. Из салона выкарабкался худосочный чернявый паренек, подошел и бесцеремонно распахнул пассажирскую дверцу.

– Вы Кучер? Это я вам звонил, – молвил юношеским басом, усаживаясь рядом. – Здрасьте! Панфилов моя фамилия. Тоже Сергей.

Заглянув в удостоверение следователя прокуратуры Приморского района, я запечатлел внешность нового знакомого. Прямая челка до бровей, выступающие скулы и боксерский подбородок не умаляли открытости лица то ли греческого, то ли португальского типа.

Неброский, но элегантный гардероб подобран в узнаваемом чиновническом стиле – белоснежная рубаша с короткими рукавами и накладными карманами, летние брюки оливкового цвета с люрексом, плетеные кожаные туфли. Тоненькая змейка цепочки смотрелась на фоне шоколадного загара, будто из белого золота. Типаж одесского бюрократа подчеркивал золоченый колпачок перьевой ручки, выглядывавший из нагрудного кармана по соседству с дорогим смартфоном, и напоминавшие компас часы на кожаном ремешке.

Нелишним будет поведать о так называемом чиновническом стиле. Угадывается он легко, если наряду с одеянием, более подходящим для отдыха, присутствуют акценты,

указывающие на принадлежность человека к служебной деятельности. К примеру, молодые сыщики советских времен наряду с гражданской одеждой носили кожаные ремни от форменных милицейских брюк. Такой себе утонченный намек на весомые обстоятельства.

Позиции чиновничьего стиля укрепились в годы застоя, ознаменовавшегося тотальным дефицитом. Некоторые одесские опера боролись с данным явлением весьма специфическими методами. Прибегали к оперативным ухищрениям, дабы экспроприировать у местных фарцовщиков дефицитную одежду, контрабандные табачные изделия и другие атрибуты промысла спекулянтов.

Кроме сигарет, джинсов и виниловых грампластинок с записями зарубежной эстрады у подпольных предпринимателей можно было изъять «во временное пользование» перьевые ручки знаменитой фирмы «Паркер». Среди одесских бюрократов тех лет они пользовались огромной популярностью. Именно «Паркер» стал обязательным атрибутом чиновничьего стиля и должен был соседствовать в нагрудном кармане с пачкою американских сигарет «Мальборо» или «Кэмел».

Некоторые индивиды втискивали туда же служебное удостоверение, нарочито демонстрируя гражданам принадлежность к правоохранительным органам. Местные карманники, ведая о нехитром маневре, трактовали подобную визитку, как предостережение. Лично я не припоминаю случаев,

чтобы в советские времена у милиционера умыкнули служебную ксиву. Зато в наши дни работники правоохранительных органов заталкивают свои документы подальше и поглубже. Даже пристегивают к одежде карабинами на длинных цепочках.

Панфилов сунул удостоверение в задний карман брюк и отпрапортовал:

– Обязан уведомить – навел справки о полковнике Кучере. До пенсии вы служили в столичном розыске. Теперь руководите приватной юрфирмой. Источники донесли, что вам можно доверять.

– Интересно кто такие? Поведаете?

– Сами догадаетесь. Мои информаторы не только в Киеве, но и в Одессе. Достаточно сказать, кто инициировал ваш приезд.

– Кто же?

– Мой подследственный – Леонид Викторович Недоходов.

– Доход?! – вырвалось от неожиданности. – Это Ленка про меня наплел?! Стоп! Почему подследственный?

Панфилов молчал, а меня атаковали воспоминания.

Коренной одессит и сынок именитого чиновника прослыл на курсе поборником разгульной беззаботности. Проще говоря – неунывающим пофигистом и массовиком-затейником с немym вопросом на хитроватой физии: «Что бы такое вытворить?».

Чудили мы нередко вместе, но исключительно в свободное от учебы время. Кутили в шумных компаниях, пытаясь побороть зеленого змия посредством уничтожения. Учиняли разборки с курсантами торговой мореходки – конкурентами на танцульках в парке Шевченко. Короче говоря, исполняли фортели, за которые опять же на пару отдувались перед начальником курса.

Теперь же разухабистая дорожка памяти привела меня в закоулок, который сторонился долгие годы. Причиной тому – хранившийся за семью печатями ярлык изменщика мужской дружбы. Похоже, само Проведение подтолкнуло в тупичок, чтобы развязать заскорузлый от времени узел.

Случилась эта мерзопакостная история накануне выпуска из школы. Будущие офицеры милиции стажировались в районных отделах угрозыска. На пару с Ленкой мы оттачивали оперативное мастерство в Жовтневом районе – самый центр Одессы. За неполную декаду Доход умудрился пару раз залететь по пьяному делу. Как ни удивительно – без моего участия.

Его отозвали со стажировки и неожиданно для всех отчислили из школы и уволили из органов. Случай экстраор-

динарный! Изгоняли, как правило, за многократные нарушения дисциплины или неуспеваемость во время перевода на следующий курс. Но так, чтобы рассчитать вчистую, когда на носу выпускные экзамены – подобного не случалось. Особенно если учесть, что Недоходов-старший все еще занимал высокий пост в городском исполкоме.

Курсанты прибывали в недоумении и потрясении от жесткого решения руководства. Поползли слухи, будто всему виной личные неприязненные отношения замполита школы с Ленкиным отцом. В прошлом они служили в угрозыске, поддерживали дружеские отношения, но неожиданно-негаданно меж напарниками пробежала черная кошка.

Как бы там ни было, но замполит умело и цинично обставил инцидент и преподнес таким образом, что сами курсанты осудили поведение однокурсника. Якобы никто не желает поручиться за Дохода и тем более пойти с ним когда-нибудь в разведку. В итоге формулировка прозвучала типично: «Дебоширам и пьяницам не место в рядах советской милиции!».

С вердиктом подобного содержания нужно было увольнять чуть ли не половину курса. Конечно, были среди нас паиньки и трезвенники, но большинство не брезговало опрокинуть стаканчик и «поводить козу». Мало кто не попадался за различные огрехи, а впоследствии не изображал святошу на заседаниях суда курсантской чести.

Наиболее гадостным оказался тот факт, что замполит назначил на роль общественного обвинителя Недохова его

закадычного кореша – то есть меня. Все случилось быстро и по-коммунистически неотвратимо. Бывалый политработник пару часов катался по мне танком, пытаюсь расколоть и склонить к написанию повинки. Урезонивал не похабить себе судьбу и не хоронить заживо перспективу карьерного роста. В конце концов, я был сломлен, но не до конца. В объяснении начеркал, что виновным себя признаю, потому что с курсантом Недоходовым всегда заодно. То есть мы с ним – не разлей вода и два сапога пара. Поэтому поведение, позорящее честь советского правоохранителя – присуще обоим.

Фатальный вывод послужил главным обвинительным аргументом в деле. Получилось, что приговор вынес курсант Кучер, о чем замполит не позабыл уведомить Недоходова.

С тех пор мы не общались и не виделись, а перед выходом в отставку я узнал, что Ленька винит меня во всех своих бедах. Отчасти я с этим согласен. Ведь мог же тогда разругать ситуацию, переговорив с корешем по душам? Мог! Почему отморозился? Интересный вопрос...

Вот и остался на душе у Дохода швартовый узел, сковавший намертво айсберг обиды со скалой обвинений, а Кучер отыскал в лабиринте памяти нишу, куда можно подолгу не заглядывать, убаюкивая оправданиями совесть.

Я знал, что Недоходову удалось восстановиться в МВД, получить офицерское звание и дослужиться до пенсии на должности старшего опера одесского следственного изолятора. Так же как в молодости, он не хило закладывал за во-

ротник, отчего избегал сотоварищей.

Возвратился в текущий момент времени, получив тумак виртуальным обухом по голове.

– Недоходов в пьяном угаре убил бывшую жену, – извещил Панфилов.

– Да ладно! Ленька не способен...

– Будто вы недавно виделись, – парировал следователь. – По делу стопудовая доказательная база. Хотя сегодня могу предъявить обвинение, но что-то удерживает. Толком не мог понять, пока вы не подсказали.

– О том, что кишка у него тонка?

– Так и есть. Леонид Викторович аж никак не тянет на роль душегуба. Вы же знаете, что бытовуха зачастую случается на фоне аффекта. Потом всегда раскаяние, охи-вздохи. В нашем случае – полный отказ! Да и мозги он не пропил вчистую. Здравомысленно рассуждает, плачет, божится. Короче, не складываются пазлы. Адвокат никакущий, потому что бесплатный. Что есть, что его нету. Похоже, я перебрал на себя защиту Недоходова. Потолковал с ним по душам без протокола и удостоился откровений. Обрыдался мой подследственный и заявил, что напрочь потерял надежду. Зато обрел веру в Бога, молиться начал...

– Молиться?! Доход ярый атеист! Хотя... в такой ситуа-

ции не мудрено.

– Именно, – продолжил тезка. – Домолился до того, что архангел явился во сне. Прилетел и говорит – тебя с кичи вытащат Бокал со Слоном.

Я заглянул собеседнику в глаза, припомнив, что одесситы обожают розыгрыши со скрытыми камерами. Не дождавшись признательной усмешки, осмотрелся. Панфилов понял, что со мной творится, потому терпеливо ждал. Через минуту до меня дошло, что неприемлемо шутить настолько цинично. К тому же Ленька вряд ли мог подстроить подобное, если принять во внимание наши взаимоотношения.

После минутной паузы изрек:

– Слона вы нашли, а где Бокал?

– Вчера говорил с ним по телефону. Вадим Федорович повелел, чтобы начинал Слон. Ежели надо – он подтянется.

– Повелел, значит? Ясенько, – закивал, располагая сведениями, что бывший сокурсник Вадим Федорович Бокальчук давно уволился из органов и основал свой бизнес. Позже выбился в депутаты областного масштаба и в отцы-покровители города Николаева.

– Рад, что вам ясенько, – проворчал следователь. – Зато у меня полный цейтнот.

– Это я к слову. Сам в замешательстве! Не представляю, какую роль вы уготовили для меня. В качестве кого буду участвовать в деле?

– Если честно, то без понятия. Наверное, неохота самому

лямку тянуть. Хотите, могу организовать ксиву частного сыщика? Связи имеются...

– Я серьезно. Не пойму, зачем вам рисковать карьерой? Следак-адвокат – что-то новенькое!

– Просто хочу помочь. Почему? Сам не знаю, но точно не из жалости. Не переношу, когда совесть точит! Удивлены? Тогда считайте мои эгоистичные откровения поджilочным трепетом. Типа, страшусь замарать честь мундира, потому желаю докопаться до сути чужими руками. Простите, я, наверное, чушь несу.

– Есть маленько. Никакого эгоизма в аргументации не усматриваю. Лучше так, чем скрупулезно собрать бумажки, усердно подшить дело и тупо отправить в суд.

Я замолчал, подытоживая сцену знакомства:

«Не часто приходится иметь дело с такими следаками. Хоть опыта маловато, зато предпосылок для наработки профессионализма предостаточно. Не каждый отважится при первой встрече упомянуть о совести и интуитивном несогласии. Зато вы, полковник, выказали себя заскорuzлым совком, задав вопрос об участии в деле. В итоге неоперившийся законник всухую выиграл первый раунд у бывалого сыщика».

Панфилов покашлял, напоминая о себе, и спросил:

– Сколько дней можете пробыть в Одессе?

– Сколько понадобится.

– В таком случае – велкам, как говорят в Украине! Видите, напротив калитку с желтым почтовым ящиком? Вам туда.

В хозяйском доме я снял комнату. Не пентхаус, конечно, но и не бомжатник. Есть где поставить машину. О плате не беспокойтесь – вы же в командировке. Хозяйку зовут Марией. Связь со мной по тому же номеру. Сейчас уеду, а вы обождите пару минут. Убедитесь, что нет хвоста, потом заселяйтесь.

– К чему такая конспирация?

– С недавних пор страдаю манией преследования.

– Есть предпосылки?

– Похоже, пасут и слушают. Либо сверху порешили меня потопить, либо кому-то не терпится упрятать Недоходова за решетку. Городская прокуратура проходу не дает. Куратор намекнул, что собирается отстранить из-за личной заинтересованности. Наказал, чтобы дело было в суде завтра к вечеру, иначе гаплык. Хрен ему! После такого наезда я окончательно утвердился в желании помочь подследственному. Есть одна идея...

Комнатушка, арендованная в добротном одноэтажном доме, оказалась уютной, хотя и тесноватой – немногим больше типовой ванной комнаты.

Наспех разобрав вещи, разлегся на выдавшем виды раздвижном диванчике, не побрезговав потугами допотопного, но безотказного вентилятора. Умопившись, пролистал в памяти события нынешнего дня:

«Много непонятного, зато нескучно, – безрадостно заключил. – С конспирацией разъяснилось, а вопросов прибавилось. Следака добре поприжали, но Панфилов боец! От него и я заразился неумным желанием вызволить Дохода, хотя по любому не оставил бы его в беде. Жаль, конечно, что не вышло у нас с Ленькой мужской дружбы. За мишурой куража и безответственной бравады не смогли рассмотреть того, что связывает людей крепко-накрепко. Что ж – по мере сил выправим. Сейчас главное разобраться с прессингом. Кому не терпится отправить Недоходова на нары? Неужто перешел дорогу какому-то перцу? А может, просто сливают Панфилова?».

Со двора слышался оживленный гомон под аккомпанемент развеселой музыки. Квартиранты коротали отпускное время, расписывая «пулю» в заплетенной виноградом беседке. Естественно, подпитывали игровой азарт горячительными напитками.

Рядом с хозяйским домом была обустроена пристройка для приезжих, состоявшая из трех комнат и общей кухни. Чуть дальше у забора – душевая кабинка и дощатый туалет-скворечник, а в огороде одиноко маячил ржавый мангал.

Моя комнатуха предназначалась для особых постояльцев с правом пользования хозяйской туалетной комнатой и местом для парковки автомобиля.

Домовладение отгораживалось от внешнего мира высоким деревянным забором и представляло собой приватный

мини пансионат постсоветского типа.

Хозяйка заведения – молдаванка средних лет по имени Мария, держала квартирантов в узде, прозывая гавриками. Частенько из беседки или с огорода доносился ее звучный голосок с едва уловимым бессарабским акцентом. Недавно она распекала какого-то Мишу за не выброшенный вовремя мусор и стаи мух, заполонивших из-за этого двор.

К постояльцу, протезированному Панфиловым домовладелица отнеслась подчеркнуто вежливо. Ощущался конспиративный подход молодого следователя и взаимное расположение. Во время заселения Мария шепнула мне на ухо:

– Навешала гаврикам лапши, что вы мой родственник. Поэтому живете в доме. Чтоб вы знали – Сергей Давидович большой друг нашей семьи.

Имидж прокурорского работника возрастал, а его упреждаемость истолковывалась, как обустройство надежного тыла. Данное обстоятельство вселяло уверенность и содействовало относительному покою жизнедеятельности. Но отнюдь не расслабляло до потери бдительности.

Ближе к полуночи посетил душевую кабинку, после чего хозяйка угостила вип-постояльца зеленым чаем с ванильными сушками.

Поболтав с ней за жизнь и подкрепившись, завалился на боковую.

Проснулся от малопонятных воплей, доносившихся с улицы.

На часах половина седьмого, а хрипловатый мужской баритон, усиленный громкоговорящим устройством, увещевал обитателей проулка:

– Молоко!! Спешите порадовать организм! Покупайте свежее молоко!

«Таки да! Несомненно, я в Одессе! – пришел к выводу, сползая с дивана. – Вряд ли где-то еще услышишь такой креативный промоушн молочника».

Несмотря на раннее утро, в коморке было душно. Данное обстоятельство подстегивало выбираться на свежий воздух.

Склонившись над умывальником в саду, поплакался сам себе оттого, что вскорости не удастся занырнуть в ласковые воды Черного моря. Вместо похода на пляж предстоял визит в следственный изолятор, привычно обставленный Панфиловым конспиративной прелюдией.

В полупустом трамвае доехал до Куликова поля и перебрался к вокзалу, где было предписано отсвечивать возле входа в зал продажи билетов. Ровно в половине десятого набрал все тот же телефонный номер и услышал привычное: «Ожидайте». Подыскал место в тени, но не успел дойти до палисадника.

– Вы от Панфилова? – услышал за спиной прокуренный басок.

Оглянувшись, кивнул невысокому коренастому мужичку лет сорока. Крепыш назвался Анатолием и предложил пройтись до автостоянки. Там мы затолкались в душный салон ухоженной «семерки» с номерами последней советской серии и покатали неизвестно куда по раскаленным улицам. Предчувствие скорой встречи с Доходом заставляло сердце учащенно биться.

Анатолий искоса поглядывал на изрядно потеющего пассажира и, вырулив на Черноморскую дорогу, обнадежил:

– Потерпите. Скоро приедем, – после чего отрекомендовался и провел краткий инструктаж. – Я старший опер городского следственного изолятора. Занял место Недоходова после его ухода на пенсию. Это для справки. По легенде вы мой коллега – опер из областного СИЗО. Если дежурный спросит. Леонида Викторовича доставят в оперчасть на одиннадцать. Времени у вас меньше часа и разговаривать придется в моем присутствии. Серега Панфилов мой друг, а Недоходов – типа наставника. В общем, можете не опасаться.

Потолкавшись в заторах, ко времени добрались до изолятора. Беспрепятственно прошли в кабинет Анатолия, после чего он распорядился доставить арестованного. Не прошло и пяти минут, как двое конвойных ввели Недоходова.

Его я сразу признал, хоть годы и образ жизни, как говорится, взяли свое. Посреди кабинета стоял дебелый дядька с одутловатым лицом и седой намокшей шевелюрой. Дерганно утюжил ладонями полы растянутой рубахи и размазы-

вал стоптанным шлепанцем капли воды, падавшие с волос на паркет.

– В хате, шо в пекле. Градусов пятьдесят не меньше, – прохрипел, казалось, простуженным голосом. – Обливаемся, чтоб не сдохнуть...

Запнувшись, подернул плечами, медленно развернулся и вперился в меня, не моргая. На смуглом обветренном лице проступили бледные пятна, а поросший щетиной подбородок мерно задрожал. Доход порывисто вздохнул, отвернулся и разрыдался, словно дитя.

Горький ком застрял у меня в горле. Подойдя, опустил руку на плечо и пробормотал, подыскивая слова:

– Хорош... надо держаться. Как-то разрулим. Главное ... не терять надежду.

– Я надеялся, что ты отзовешься. Загадал, если Слон придет, значит не стукач. Чтоб ты знал, я никогда в это не верил! Только по пьянке жаба душила.

– Давай сейчас не будем. На воле перетрем. Садись, рассказывай по порядку. Так, будто я вообще не при делах.

Указал ему на стул у стены, а сам устроился за рабочим столом Анатолия. Хозяин кабинета уселся на табурет, подперев спиной входную дверь.

Доход шумно выдохнул и затараторил:

– Не убивал я Людмилку! Не поднялась бы рука! Поверь, Серый! Ты ж меня знаешь, – помолчав, отмахнулся и процедил сквозь зубы. – Вернее знал когда-то. Короче – тулить не

о чем! Не помню я ничего! Два дня до этого бухой был в драбадан, но в тот день почти не пил. По утрянки забрел на базар к армянам-шаурмистам. Грамм 150 на грудь принял и потух, будто повело на старых дрожжах. В подсобке у них вырубил-ся. Младший армянин приволок домой и уложил спать.

Я поднял руку и спросил:

– Откуда столько знаешь? Ты ж потухший был.

– Следак рассказал.

– Получается, Люды дома не было?

– Она с работы поздно приходит. Мы давно в разводе, только живем вместе. Двухкомнатная хрущевка – никак не разъехаться. Стараюсь реже бывать дома, особенно по пьяни. Ночные смены выпрашиваю. Служу охранником на турбазе в Лесках. Извиняюсь, разрешите закурить?

Анатолий кивнул, а я указал на пачку «Кэмел», лежавшую на столе. Выудив сигарету, Леня тяжело поднялся и отошел к окну. Прикурил, жадно затянулся и, закашлявшись, раздавил окурочек в пепельнице.

– Минздрав предупреждает! – прохрипел, возвращаясь на место. – На воле завяжу. Так вот – накануне того дня я заступил на дежурство. В обед нехило бухнул, а на вечер подвернулась халтурка на сотку гривен. На ночь снова бухнул. Утром сменился, а сменщик предложил опохмелиться. Выпили его поллитру и ближе к обеду я поехал домой. По дороге забрел на базар прикупить хавчик в холодильник. Люда была бы рада. Заодно решил с армянами отобедать. Вы-

ставил свою поллитру, принял полстакана и начал тухнуть. Даже тост не дослушал. Проснулся под утро дома поперек кровати. Вышел на кухню, а там ...

Запнувшись, он снова разрыдался. Опер налил полстакана воды из электрочайника и протянул бывшему сослуживцу. Тот залпом его осушил и в сердцах выкрикнул:

– Никогда не забуду ее лица! – перевел дух и заговорил вполголоса. – Люда лежала на боку и, казалось, смотрела в окно ... удивленно так. Подумал, что приступ – диабет у нее ... но потом понял. Я ведь знаю, как выглядит неживой человек. Шея посинела, под челюстью кровоподтек. Кругом битая посуда, объедки. Не помню, сколько времени находился в ступоре. От ужаса чуть не обмочился. Потом побежал, куда глаза глядят ... Ну, как же так, Серый?! Что я за урод такой?! Нет, чтоб ментов вызвать, чтоб по горячим следам...

– Аффект спровоцировал панику. Чего уж теперь. Дальше рассказывай.

– Бродил, как зомби по Черноморке, по Дерибасовке. Купил водяры, тормознул бомбилу и подался в Лески. Отослал сменщика и забухал в одиночку пока не вырубился. Наутро опера свинтили.

– Живо сработали.

– Соседи же видали, как армянин меня волок. Вечером Люда пришла с работы, а ночью полдома слышали крики. Картинка сложилась. Пальчики в хате только мои. В момент убийства находился дома, потом сбежал. Какие еще нужны

доказательства?!

– Слишком все гладко.

– Коню понятно! А толку?!

– Напрягай извилины, Леня! Что-то должно записаться в памяти. Ты же знаешь, что заявить в суде про амнезию – равносильно признанию.

– Не помню, хоть убей! Только знаю, что пальцем никого не тронул! Да! Мы развелись из-за моих попоек, но драк никогда не было. Я тихий, когда бухой. Из-за этого на службе терпели и продержали до пенсии. Хоть алкаш, но залетов не допускал. Спроси у Толи! Я его стажировал.

– Что, правда, то, правда, – подтвердил опер. – Леонид Викторович на службе ни-ни! По знанию дела равных ему нет. У контингента в авторитете значился. Не беспредельничал, не крысятничал.

– Понял, какой я правильный?! – Доход хмыкнул и отвернулся к зарешеченному окну. – Пацифист на всю голову, только жил не по-людски. Теперь есть время подумать. Детей не нажил, жену в могилу свел, друзей давно растерял. Зато обид и недовольства накопил – через край! Кучер – враг номер один! Сколько лет простить не могу. Недостоин я твоей помощи! Уезжай и забудь!

– Хорош скулить! Лучше подскажи, как с кичи тебя вытаскивать. Ты вроде с архангелами общаешься? Спросил бы.

– Спрашивал! Посоветовали друзьям в ножки поклониться. Тогда распахнуться врата тюрьмы.

– Вы бы по делу базарили, – присоветовал Анатолий, поглядывая на часы. – Время на исходе.

Доход спохватился и выпалил скороговоркой:

– Я говорил Панфилову, что в памяти записалось, а он головой вертит. На протокол осмотра ссылается. Мол, не написано такого. Но я же видал и руке держал! Конечно, не сразу вспомнил...

– Погоди, Леня! Ты, о чем?

– О спичках. В кухне на столе коробок лежал.

Пожав плечами, я покосился на опера. Тот поднял брови и прошептал:

– Похоже на постстрессовый синдром на фоне пьянства.

– В десятку, Толя! – гаркнул Недоходов. – Алкаш я последний! Память напрочь пробухал, только знаю, что в хате спичек не было. Плита электрическая!

– Вы толком объясните, Леонид Викторович, – стушевался Анатолий. – Сергей Иванович не в курсе.

– Я и говорю, что спички необычные. Помнишь, Серый, при совке были коробки из древесного шпона? Цвет такой ядовитый, чернильный и наклейка олимпийская – медведь с дебильной улыбкой. Спички толстые с красными головками. В доме никогда таких не было и Люда не покупала. Я бы знал.

– Ну, и где эта реликвия?

– Без понятия! Когда убегал, на стол бросил.

В кабинете воцарилась тишина. Захотелось безотлагательно поговорить с Панфиловым, хотя слабо верилось, что спи-

чечный коробок, пусть даже раритетный – как-то повлияет на ход расследования.

Дальнейшая беседа проходила в режиме пресс-конференции. Я спрашивал, уточнял и записывал в блокнот важные для себя сведения. Узнал, где находится киоск с армянской шаурмой, кто такой младший армянин и кого из соседей лучше разговорить.

Вскоре свиданка закончилась и явился конвой. Подбодлив на прощание Леньку, вопрошающе глянул на Анатолия.

- Подбросить не смогу, – развел он руками. – Дела.
- Панфилов как-то распорядился на мой счет?
- Солнце, море, пляж. Позже позвонит. Сейчас, небось, помидоры Сереге крутят в горпрокуратуре. Я подмогнул ему продлиться.

- Ничего себе! Каким образом?
- Мафия бессмертна! Сам расскажет, мне некогда.
- Ну, хоть на волю меня выведи!
- Конвой проводит...

«Курортная программа, это здорово, – прикидывал в уме, дожидаясь троллейбуса. – Искупаюсь, погрею косточки, а заодно упорядочу информацию. Доход не поведал ничего такого, что нужно срочно проверять. Тем более – у Панфилова появилось время. Интересно, как удалось продлить срок следствия на фоне прессинга? Выведаю при встрече, а еще доложу, что убедился в невиновности его подследственно-

Глава вторая

НЮРА

Подумалось по дороге к морю:

«Ведь могли же окрестить кафешку на берегу Хаджибеевского лимана в честь знаменитого одесского пляжа? Вряд ли – уж больно распространенное для курортных городов название».

Благоустроенная зона отдыха «Чайка» знакома мне с раннего детства. В летнюю пору семейство сестры моей бабушки обитало в дачном домовладении вблизи 10-й станции Большого Фонтана. Подрастающего дитятку ежегодно вывозили поближе к морю на оздоровление и налаживание здорового питания.

Отдавая предпочтение мучному рациону, я недолюбливал фрукты, из-за чего родители и бабушка с дедом чрезвычайно расстраивались. Предкам довелось заключить со мной сделку – за новенькие ласты и маску для ныряния я обязался ежедневно съедать не меньше килограмма фруктового ассорти.

В то время улицы, ведущие к пляжу напоминали ряды продуктового рынка. Теперь ситуация кардинально изменилась. Дачников с корзинами разогнали, зато появились нагловатые охранники у шлагбаумов на въездах. Правда, не столько для наведения порядка в зоне отдыха, сколько для

пропуска престижных авто к элитному жилому комплексу, возведенного по соседству.

Прилегающие улочки сплошь застроены кафе, барами, хостелами, элитными отелями. На пляже оборудована современная игровая площадка для детей, как раз на том месте, где стояли столики и скамейки, вечно занятые любителями домино.

Вдоволь наплававшись, разлегся на горячем песке, упрятав голову в тень от зонта. Старался не думать о Доходе, наблюдая за работой местных кормильцев, снабжавших пляжников горячими пирожками в ассортименте, самсой, медовой пахлавой и иными вкусностями домашнего приготовления. Прикинул, что в отношении данного бизнеса не слышал антирекламы. Действительно не припомнилось случаев, чтобы кто-то отравился пляжной ватрушкой или вафельной трубочкой со сгущенкой. Успокоив себя подобным образом, схомячил два пирожка с абрикосами, приободлив пышногрудую тетеньку в тельняшке отказом от копеечной сдачи.

После перекуса подступила дремота, но знакомый голос живо возвратил в режим бодрствования:

– Как водичка, Сергей Иванович?

– Мокрая, Сергей Давыдович. Желаю экстренно услышать памфлет о чудесном продлении срока.

– Скорее скетч, – отмахнулся Панфилов, присев на ближний топчан. – Провернули в СИЗО оперативную комбина-

цию. Анатолий по старой памяти смульковал Недоходову гипертонический криз. Недельку теперь проваливается на больничке, а я вроде бы не при делах. Правда, в надзирающем органе угрожали оторвать гениталии, но скрепя зубами утвердили постановление.

– То ли еще будет. Мозг однозначно вынесут, хотя вам не привыкать. С этим понятно, а что это за история со спичечным коробком?

Следователь нервно хохотнул и растолковал:

– Поначалу показалась блажью на фоне белой горячки. Позже смекнул, что Недоходов не смог бы такого нафантазировать – стародавний коробок, этикетка с олимпийским медведем. Да и зачем ему? Если принять гипотезу, что убийца не он и приплюсовать спички, то напрашиваются две версии. Либо настоящий душегуб наследил по небрежности, либо специально оставил знак. Черную метку, так сказать. Последнюю гипотезу я гоню прочь, как назойливую муху, но она возвращается. Словно предвестник скорого продолжения.

– Мрачная перспектива. Может, засветить коробок в деле, чтобы не возникло вопросов потом?

– Куратор взбесится! Заподозрит, что отмазываю подследственного по невменяемости.

– Ну и пусть. Анатолия снова подключим. Опросит сокамерников и выведет рапорт, будто у Недоходова напрочь крышу снесло. Спроведите его в дурку на освидетельствова-

ние. Времени будет навалом.

– Поезд ушел, – выдохнул следователь. – Вы бы видели фэйс зампрокурора во время подписания продления. Если назначу экспертизу, дело наверняка отнимут, а самого выпрут в народное хозяйство. Это в лучшем случае.

– Не исключено, – согласился, припомнив казус, случившийся вскоре после выпуска из школы милиции. – Желаете услышать занимательную историю про судебно-психиатрическую экспертизу? Из личной практики, между прочим.

– А давайте! Разрядка не помешает.

Банальное воровство из комнаты заводской общаги стало одним из первых лично раскрытых преступлений.

Пьянчужка и дебошир умыкнул телевизор у соседа – такого же беспробудного выпивохи. В итоге был пойман при попытке сбыть краденное.

Я подготовил нужные бумаги и попытался передать дело в следственный отдел, но как нередко бывает, следователь искал некоторые недоработки. Срок задержания подозреваемого на период доследственной проверки истекал, а санкцию на арест прокурор не утвердил бы из-за малозначительности ущерба.

Если отпустить злодея на подписку о невыезде – можно сразу объявлять его в розыск, а дело прятать в сейф до луч-

ших времен.

Следак покумекал и предложил выход:

– Он же алкаш. Состряпаешь рапорт, приложишь пару объяснений, а я назначу судебно-психиатрическую экспертизу. Пока подготовим дело для суда, он подлечится в больничке Павлова. Только есть одна трудность – наркологическое отделение переполнено. Хотя выход найдется всегда! Ты же зональный сыщик, то есть вхож в подсобки гастрономов, а заведованием павловки – женщина строгая, но падкая на дефицитные товары. Раздобудешь флакон мартини, коробку львовского ассорти и поллитру для дежурного, чтобы выделил конвой. Так и спровадишь пьянчугу в дурку. У тебя получится!

Пока он оформлял документы, я смотался в стол заказов, а после обеда состоялась намеченная оказия.

В состав конвоя входили два матерых прапорщика – Вова и Витя, а милицейским узиком правил пенсионер-водитель, которого коллеги звали Палычем. Все трое прослужили в милиции не один десяток лет и по возрасту были старше меня.

Внешне конвоиры напоминали персонажей советского мультика – двое из ларца, одинаковые с лица. Правда у Вовы имелась отличительная особенность – развеселый деревенский парень никогда не расставался с гармошкой. То была натуральная трехрядка, которую он бережно хранил в потертом кожаном чемоданчике под задним сидением в узики

Палыча.

До психоневрологической клиники имени академика Павлова добрались без приключений. С помощью дефицитных подношений удалось обаять заведующую отделением, и пока заполнялась история болезни нашего алкаша – конвой расположился на скамейке возле крыльца.

Жаркий летний день клонился к вечеру. Палыч припарковал уазик неподалеку в тени каштанов, отворив все дверцы для проветривания салона. Сам уместился за рулем и уткнулся в газету.

По аллеям больничного сквера прогуливались облаченные в серые пижамы пациенты. Не иначе как из праздного любопытства к нашей компании подтянулись с полдюжины выздоравливающих алконавтов. Диагноз определялся просто – по однотипным обрюзгшим физиям.

Завязался разговор, как говорится, ни о чем. Среди любопытствующих выделялся поджарый субъект с чертами лица побитого накануне Бельмондо. Я определил в нем жожака и насторожился, заприметив нездоровый блеск в выпяленных зенках.

К нему подступил тщедушный старичок в динамовских шортах и зашептал на ухо. Глазенки «Бельмондо» засверкали пуще прежнего. Отстранив вестового, он сощурился и просипел:

– На фига в луноходе гармошка?

Услужливый Палыч не промедлил с ответом. Разомлев от

жары, потерял бдительность и чистосердечно признайся, что гармоника – вон того прапорщика с улыбкой до ушей. Да к тому же он непревзойденный виртуоз и знаток украинского фольклора.

– Пусть играет, – меланхолическим тоном распорядился предводитель выздоравливающих бражников.

Разговоры моментально стихли. Драматургическая пауза все больше напоминала немую сцену под аккомпанемент птичьих трелей и шарканье больничных шлепанцев. К лавочке подтягивались все новые пациенты.

Повторный наказ вожака прозвучал с ноткой претенциозности:

– Играй, дядя!

– Сей момент! Только башку водиле оторву, – обязался Вова и, сжав кулаки, направился к уазику.

Палыч смекнул, что сейчас его будут бить. Скоренько захлопнул дверцу, надвинул на глаза фуражку и демонстративно отвернулся.

В порядке отступления замечу, что специальная оснащённость правоохранителей тех лет оставляла желать лучшего. Не было ни резиновых дубинок, прозванных в народе «пржекторами перестройки», ни газовых баллончиков с романтическим названием «Черемуха». Создание спецподразделений типа ОМОН или «Беркут» планировалось в отдаленной перспективе.

Как назло, никого из персонала поблизости тоже не ока-

залось.

Что оставалось делать Воле? Играть. Может хоть звуки музыки привлекут внимание администрации к терпящим бедствие ментам.

Прапорщик с гармошкой наперевес и улыбкой, напоминавшей оскал голодного бультерьера, уселся на приостывший капот уазика и для разминки забацал польку.

Народ оживился. Кто-то пританцовывал, лихо присвистывая.

– Че не поешь? – справился у гармониста предводитель.

Вола стрельнул глазами в Палыча, прокашлялся и выдал на-гора подборку украинских народных песен. Публика подпевала. К импровизированной сцене подтягивались все новые ценители фольклора в больничных робах.

Боковым зрением я заметил двух крепких санитаров, спешивших в нашу сторону по аллее. Обнадежился и возрадовался, пока они не повалились на клумбу, корчась от хохота.

Тем временем начались танцы. Среди пляшущих выделялся раскрасневшийся Витя, неистово круживший бесформенную бабенку с синюшным лицом.

Я окончательно пал духом, оценив размах коллективного помешательства, пока не услышал за спиной старушечье бурчание:

– Ишь, учинили вакханалию! Может, набрать ноль два, милоч?

Обернувшись, уставился с немой мольбой на пожилую нянечку, вышедшую на крыльцо. К счастью она смекнула, что вызвать милицию нужно было полчаса назад...

На следующий день конвойный ансамбль пригласили на утреннее совещание в кабинет начальника столичного главка. Такого количества большущих звезд на погонах видывать еще не приходилось.

С холодком в животе я ожидал грандиозный раздолбон, и обстановка к тому располагала. Но седоусый генерал вмиг ее разрядил, имея неосторожность спросить у коллег:

– Как прикажете поступить с трубадурами?

– Отправить на гастроли ... по психбольницам, – порекомендовал кто-то из присутствующих.

Показалось, что от громового хохота закачались тяжелые портьеры на окнах. Утирая слезы, генерал замахал руками и, давась от смеха, скомандовал:

– Пошли вон отсюда!

– Зачетно выступили, – оценил милицейскую байку Панфилов и вернулся к разговору. – Кстати, коробок в квартире не нашли ни в тот день, ни позже. Недоходов соизволил о нем вспомнить аж на третий день. Я вообще хотел отморозиться, но потом все же нацелил зональных оперов. Попро-

сил, чтобы по-тихому перешерстили квартиру. Те отзвонились и доложили, что ничего похожего или интересного не нашли. Наверное, нужно было самому съездить. Кому-кому, а вам известен розыскной подход. Сыщики записали себе в актив раскрытое убийство и передали материалы в прокуратуру. Вдруг нарисовался Панфилов с какими-то спичками. Они же не идиоты, гробить себе показатели! – помолчав, он сменил тему. – Вы можете мне тыкать. Не люблю официоз в подобных ситуациях.

– Постараюсь, но не обещаю. Выканье не всегда означает установленную границу. Это всего лишь условности, хотя я за то, чтобы в официальных отношениях придерживаться протокола. Терпеть не могу панибратства, дурно пахнувшего большевистским этикетом. В конце концов, имею право удерживать кого-то на дистанции или оставлять место для сугубо деловых контактов. Особенно в отношениях с подчиненными. Лучше придерживаться избирательности, чем нарочито фамильярничать и демонстрировать окружающим, насколько ты близок с авторитетным человеком.

– Спасибо за науку! Воспользуюсь, – усмехнулся тезка и попросил. – Хоть не кличьте Давыдычем! Меня так менты подначивают. Вообще-то, в Одессе принято говорить – Давидович.

– Заметано, Сергей Давидович! Буду тыкать. Стало быть, ты тоже уверен, что Доход не выдумал историю со спичками?

– Почти. Хотя в протоколе первичного осмотра ничего по-

хожего не зафиксировано. Милицейский следователь, описывавший место происшествия, рассказал, что в кухне весь пол был усыпан всякой всячиной. Он переписал все до мелочей. Ни спичек, ни коробков в помине не было. Окурков, кстати, тоже. На плите пусто, чайник электрический. Но если мы оба верим Недоходову, то выходит, что коробок там был. Куда подевался? Кто его умыкнул? Вопрос! Что же мне теперь – вызывать и колоть всю опергруппу?!

– Это лишнее. Я бы лучше осмотрелся в квартире. Сомневаюсь, что опера нашли и выбросили улику. Скорее всего – не искали вовсе или заныкали там же, чтоб не сразу нашли. Побоялись, что коробок как-то повлияет на раскрытие. Думаю, Недоходов вцепится в эти спички, как в спасательный круг. Я тоже не исключаю, что с их помощью мы докажем его невиновность.

– Вполне возможно, – согласился Панфилов. – Жаль, не изобрели спичкоискатель! По любому надо излазить с лупой всю хату. Накажите своему помощнику...

– Кому?!

– Блин! Совсем замотался! Утром звонил Бокальчук. Уведомил, что командировал в помощь Кучеру прыткого сыщика. Вот контакт, – Давидович выудил из нагрудного кармана скомканную полоску бумаги, разровнял и продемонстрировал рядок цифр с припиской: «Нюра». – Забивайте в телефон. Бумажку не отдам. После продления конспирация троекратно усилена.

– Как угодно, – я зафиксировал номер и вопрошающе уставился на собеседника.

Следователь хмыкнул и выпалил с интонацией одесского биндюжника:

– Типа я знаю какую-то Нюру! Ваш олигарх заверил, шо это Пинкертон и Пуаро в одном обличии. Заползет в любую щель и нароет всего, что пожелаете. Так и сказал – утрет панам шнобели и покажет высший сыскной пилотаж!

«Столько лет прошло, а бокальчуковский конкретный стиль остался узнаваем, – подумалось мимоходом. – Вадим был требователен к себе и уверен, что данное качество позволяет так же спрашивать с окружающих. Как не странно – из-за этого к нему тянулись люди».

Усмехнулся и проворчал с поддельным недовольством:

– Бокал вечно со своими интригами! Теперь какая-то Нюра будет нас поучать. Я не против. Учиться всегда полезно и никогда не поздно.

Панфилов кивнул и неожиданно предложил, хитровато глянув поверх солнцезащитных очков:

– Пока Нюра не нагрязнула с ликбезом, может отужинаем по-людски? Приглашаю вечером в ресторан.

– Как же конспирация?

– Ее тоже прихватим, – отшутился Давидович, отряхивая песок со штанов. – Место и время сообщу в шифровке.

Наскоро искупался и совершил босоное восхождение

на прибрежный холм, пританцовывая на раскаленных бетонных ступнях. Миновав изгиб Ванного проулка, углубился в сквер и зашел в кафешку с привычным для Украины названием «У Вахтанга». Сытно перекусил и намерился позвонить распиаренному помощнику.

От Ванного переулка на улицу Красных зорь можно пройти по замусоренной и заросшей кустарником платановой аллее. В былые времена она служила парадным проходом от трамвайной линии к пляжу. Свидетелями тех лет оставались столетние платаны или чинары, называемые в Одессе бесстыдницами. Да еще останки парковых скамеек в виде бетонных столбцов.

Примостившись на одном из них, выудил из шорт смартфон и отыскал сохраненный номер. После первого гудка юношеский басок с хрипотцой живо расставил точки над «i»:

– Салют, Сергей Иванович! Желаю упредить расспросы. Нюра, как вы поняли – это погоняло. Фамилия моя Панюрин. Вас же кличут Слоном, хотя согласитесь, схожести маловато. Все что нужно знать по делу, мне ведомо от папы. Впредь так будем называть, сами знаете кого. Ровно через час встречаемся возле фонтана с быком. Будьте готовы поставить задачу.

– Хватка, однако, – пробухтел, взглянув на циферблат часов. – Как я тебя узнаю?

– Никак. Сам подойду. Конец связи.

Направляясь к дому, обескураженно подумал:

«С таким не заскучаем. Конкретный паренек и это весьма неплохо. Расслабиться или волынить точно не даст. Где только Бокал таких выискивает?».

В оговоренное время прибыл на стрелку. Благо от пансионата Марии до необычного фонтана можно доплестись за пять минут. Укрывшись в тени акаций, уселся на каменный парапет, служивший постаментом для диковинной скульптурной композиции.

Почему диковинной? Потому что нагромождение из металла и бетона, отгроханное по мотивам греческой мифологии еще в советские времена, весьма отдаленно напоминает фонтан. Разве что у подножья обустроен неглубокий бассейн авангардной формы, над которым застыла в могучем прыжке туша мускулистого быка со статуей хрупкой девушки на холке.

Следует упомянуть о некой пикантной изюминке, отодвигавшей на задний план гигантизм парнокопытного и изящность Европы.

Не ведаю, из какого металла отлит контрафорс, но с годами поверхность потемнела и покрылась зеленоватым налетом. Зато увесистое буйволовое достоинство, изображенное скульптором весьма реалистично – в любое время года было отполировано до золотого блеска.

С какой целью, спросите вы? Проведу некую параллель.

В коридоре учебного корпуса школы милиции на постаменте, обтянутом кумачом, высился бюст Дзержинского, отлитый из похожего металла. Курсанты и, скорее всего, преподаватели, проходя мимо, потирали наудачу нос железного Феликса. Из-за чего шнобель главного чекиста страны Советов блеснул, как кокарда новобранца, а суровая мина напоминала маску печального клоуна.

Думаю, несложно предположить, на какую удачу загадывали ценители монументального искусства, усердно натирая литое бычье достоинство.

Залюбовавшись пикантным фрагментом скульптуры, дернулся от телефонного звонка. Принял вызов с неизвестного номера и услышал безмятежный басок помощника:

– Нюра на связи. Звоню с одноразового и спешу поздравить – за вами хвост. Не вертите головой! Поезжайте на трамвае в сторону центра до шестой станции. Там есть базар. Ходите, покупайте чего-нибудь для видимости. Я дам знать.

Заприметив невдалеке трамвай, пробежался до остановки. Наказал себе не озиаться, дабы не выказывать соглядатаям настороженность и осведомленность.

«Как давно пасут? – задался немим вопросом, запрыгнув в душный вагон. – Приняли объект в Одессе или еще на трас-

се? Понятно, почему Давидович прибегнул к жесткой конспирации. Так может, слежка по его инициативе? И не слежка вовсе, а прикрытие! Поспрошаю за ужином. Сейчас главное – не пороть горячку».

На рынке, смешался с толпой. Благо посетителей оказалось предостаточно, невзирая на послеобеденную жару. Одесситы различались от гостей пальмиры не только цветом загара, но и скоростью передвижения в сутолоке.

Застопорив ход меж прилавков с овощами, определил откуда веет запахом малосольных огурцов. Побрел на аромат, словно замороженный, предвкушая удовольствие, но не дошел. Кто-то ухватился сзади за пояс джинсов, легонько подернул и вкрадчиво зашептал:

– Это Ньюра. Не оборачивайтесь. Идите за белой шляпой.

Спустя полминуты я усиленно трудился локтями, проталкиваясь за маячившим впереди плетеным сомбреро. Неподалеку от арки входных ворот шляпа повернула за угол и нырнула в павильон игровых автоматов.

Подался следом и застыл на пороге душного помещения. Понадобилось время, чтобы обвыкнуться в полутьме. Осмотревшись, не разглядел никого в похожем головном уборе.

Парочка тинэйджеров восседали за письменным столом в дальнем углу под вывеской «Администратор». Один из них – вихрастый блондин, смахивавший на мультяшного Иванушку-дурачка, чуть заметно кивнул и показал край сомбреро, упрятанного под столом.

Я продефилировал через зал и, подойдя, осведомился:
– Нюра?

– Паша, – ответил он вполголоса. – Меняйте деньги и подсаживайтесь вон к тому автомату.

Не имея ни малейшего понятия об игровых компьютерах, выполнил распоряжение. Худощавый низкорослый помощник в распахнутой рубашке и джинсовых шортах уместился по соседству.

– Делайте, как я, – подсказал, надавливая на светящиеся клавиши. – Типа играете, а сами слушайте. Не ожидал такого крутяка! Вас пасут на двух иномарках и, похоже, они не знают друг о друге. Пускай работают, а мои люди понаблюдает. Главное, чтобы не меня вычислили.

Тиская кнопки и лихо управляясь с рычагом, я старался уловить каждое слово, не обращая внимания на перезвон и развеселые аккорды, вылетающие из утробы агрегата.

Тем временем Нюра-Паша продолжал, неотрывно глядя на монитор:

– Скоро станем соседями. Завтра освобождается комната в пристройке. С Марией уже договорился. Прикинетесь, будто меня не знаете. Не месте познакомимся. Я буду с женой.

– Взаправдашней или по легенде?

– Дашей зовут, – уклонился от ответа помощник. – Теперь о главном. Вот журнальчик, – он протянул примятую брошюру с заголовком: «Дорожные кроссворды». – Внутри командировочные от папы. Там же записан телефонный но-

мер. Купите новую мобилу, наберете этот номер и сбросите вызов. Я отвечу эсэмэской. Так будем поддерживать связь. Переговоры – в крайнем случае. У меня все. Говорите, что нужно сделать?

Тихо порадовался юношескому конструктивизму и нашептал поручение:

– На Люстдорфской дороге в районе Дерибасовки есть базар. Недалеко от входа – кафешка. Армяне жарят шаурму. Нужно всех разговорить. Только по-отдельности, чтобы сравнить показания. Менты опрашивали, но кое-что мне непонятно. Уточнишь, когда и в каком состоянии появился Недоходов накануне убийства. Что ел, что пил и сколько. Может бутылка сохранилась или другая посуда.

– Руками ничего не лапать.

– Само собой! Сразу сообщишь. Еще узнаешь, как быстро отрубился Недоходов, как это проявлялось и когда его отволокли домой. После армян отработаешь хрущевку на Левитана.

– Адрес я знаю. поголовно всех опрашивать?

– Соседей, дворника, бабушек на лавочках, мамочек с колясками. Важна любая информация. Не только о том, что видели и слышали тогда, но как вообще характеризуется Недоходов и его бывшая супруга. Какие гуляют сплетни, пересуды. Наконец, основное ...

– По-тихому прошерстить квартиру.

– Тотально! Прежде всего меня интересуют спичечные ко-

робки.

– Опять же, только фиксировать.

– Можешь присылать фотки. У меня все.

– До связи, – Нюра нахлобучил сомбреро и подался прочь.

Пару минут я баловался клавишами, потом сунул в подмышку брошюру с жалованием и покинул прибежище конспираторов. Затерялся в толчее и, не оглядываясь, побрел к трамвайной остановке.

Расположившись на задней площадке, старался не думать о слежке и тем более не высматривать подозрительных знаменений. Будучи впечатленным встречей с помощником, недоумевал:

«Паша годится в сыновья, но мы говорили на равных. Будто инструктировал опытного розыска. Занимательная штука жизнь! Подает информацию для размышления там, где не ждешь. Теперь поди разберись в общепринятой теории отношений отцов и детей. Там ведь четко прописано, что яйца курицу не учат. Наверное, именно это имел в виду Бокальчук, выхваляя способности своего протеже».

В довершение припомнился случай из жизни.

У моего сына есть дружок Вовка – бывший одноклассник. После окончания девятого класса он поступил в речное училище. Семья малообеспеченная, многодетная. Как не поду-

мать о профессии? В добавок – житейские трудности: Вовкин отец не упускал случая заглянуть в чарку.

Однажды я заметил, что на привычном месте в прихожей отсутствует рюкзак сына. Димка бегал с ним на тренировки в школьную секцию баскетбола.

Строгий папаша решил разобраться и услышал ответ:
– Вовке отдал. Он в училище с кульком ходит. Вы же мне новый рюкзак купили. С ним хожу в школу, а для тренировок сумку приспособил.

Ох и подорвало меня тогда!

С физией праведного исповедника и в надлежащей позе, я поведал неразумному чаду, как нынче тяжело зарабатывать деньги. При этом не забыл подначить, что, если бы Вовкин папа не бухал – семья жила бы в достатке.

Димка смиренно выслушал и удалился, не проронив ни слова. На следующий день также безмолвно вручил мне несчастный рюкзак и глянул с таким разочарованием, что я готов был провалиться сквозь землю.

Еле дождался вечера, чтобы разрулить ситуацию, а наутро предмет разногласий был возвращен Вовке – в придачу с небьющимся термосом.

Добравшись до каморки, первым делом запустил вентилятор и разобрался с командировочными. Заодно унял при-

ступ высокомерия:

«Деньги не бывают лишними. Вот и нечего изображать неподкупного правдолюбца, брезгующего подачками николаевского мафиозо. И вовсе это не подачка, а суточные на пропитание! К тому же новую мобилку придется покупать».

Неожиданный стук в дверь застал счетовода врасплох. Засуетившись, сунул купюры под подушку и провернул ключ в замке.

– Это я, – прошептала из-за двери Мария. – С весточкой от Сергея Давидовича. В 21.00 он будет ждать вас возле арки у входа в Аркадию.

Спровадив хозяйку, набросил пляжный прикид и прошелся по двору. Глянул за угол, окинув взором свою машину. Запыленная и разогретая на солнце до температуры сауны она понуро стояла рядом со стареньким «фольксвагеном» с белорусскими номерами.

«Сегодня я точно не шофер, – мысленно заключил и ретировался к умывальнику. – Какой смысл ехать в Аркадию за рулем, коль пригласили отужинать по-людски?».

Умылся и, вернувшись восвояси, провалялся до вечера. В половине восьмого нарядился и неспешно прошелся до Фонтанской дороги, где практически сразу тормознул частного.

Смуглолицый весельчак с округлым мамоном, укрощавший подержанный, но борзый «москвич», готов был домчать меня хоть до Киева. Разумеется, не за бесплатно. Мы сговорились, что по дороге в Аркадию он завернет к ближайшему

торговому центру, в котором можно приобрести мобильник.

Неподалеку от 5-й станции бомбила свернул в проулок, попетлял по незнакомым улочкам и вырулил на стоянку крупного супермаркета.

Оставив задаток, я поднялся на второй этаж, где наткнулся на секцию бытовой электроники. Конечно же, не позабыл о слежке.

Посетителей оказалось немного, а просторное помещение с рядами прилавков позволяло поупражняться в обнаружении негласного эскорта. Озираясь, прошелся меж рядов с телевизорами, компьютерами, ноутбуками и кухонно-электронной утварью. Задержался у витрины с мобильными гаджетами, выбрал телефон без наворотов, стараясь не выпускать из вида вход в торговый зал. Убедившись, что следом никто не вошел – выдвинул версию:

«Небось, караулят на стоянке. Зачем им лишний раз светиться? Хотя могли бы поинтересоваться, что прикупил объект».

Подобрал пакет подключения, расплатился и, расставив приобретения по карманам, поспешил к выходу. Вернувшись в машину, обронил будто бы ненароком:

– Никто не беспокоил?

– Пристал тут один, – чертыхнулся водила. – Просился до центра. Я объяснил, что везу клиента в Аркадию, так он отвалил.

«Похоже топтуны, – умозаключил, стараясь не вертеть го-

ловой. – Красиво разузнали пункт назначения. Перестраховались на случай, если потеряют из виду. Точно не дилетанты. Данное обстоятельство начинает напрягать. Совсем некомфортно жить под надзором. Но больше раздражает непонимание – по какой такой причине расследование бытового преступления находится под серьезным прессингом? Да еще с оперативным сопровождением. Душегуб арестован, улики налицо – вроде бы все понятно. Так нет! В данной ситуации не помешал бы «макаров» за поясом. Обойдусь! Наверное, отвык от сыскного экстрима. Хорошо хоть интуиция не дремлет. Происходящее видится первоначальными пузырьками на поверхности закипающей гущи, а какая именно каша заваривается – покуда неясно. Возможно, мы чего-то не знаем про Дохода. Мог же он вляпаться в какую-нибудь аферу по-крупному? Залез в долги или киданул авторитетного человека? Не похоже. Тогда Ленька – банальный козел отпущения! Кто-то из вышестоящих грезит идеей свалить Панфилова и, наконец, представился удобный случай. В такую версию очень даже вписываются топтуны. Но причем здесь полковник Кучер?!».

В состоянии умственного ступора достиг оговоренного места в Аркадии, одарил чаевыми бомбилу и поискал глазами следователя.

Соблюдая конспирацию, Давидович издали кивнул, помянув за собой вглубь центральной аллеи.

Жара медленно отступала. В парковые заросли заползали

вечерние полумраки, а освещенные стежки-дорожки заполонила людская сутолока. Неторопливо и вальяжно плелись к остановкам общественного транспорта утомленные солнцем пляжники, а навстречу живо маршировали приверженцы ночных развлечений в прибрежных ресторанчиках и танцевальных клубах.

Столик в уютном закутке на террасе популярного питейного заведения «Ибица» был со вкусом и по-праздничному сервирован.

Развалившись напротив Панфилова на мягком диване, ознакомился с меню, ощутив неслабый голодный приступ. Отчего потерял самоконтроль и попросил молоденького официанта тащить всего побольше за исключением крепких спиртных напитков. Ограничился фужером полусладкого вина и вопрошающе уставился на Панфилова, который помимо не меньшего количества вкусоностей заказал 700-граммовый бутыль армянского коньяка.

– Я столько не выпью, – поспешил объясниться следак. – Помните, наш разговор об источниках информации? Один из них скоро появится. Сюрприз для вас!

Позабыв о манерах, я отмахнулся и налег на салат с крабами. На пике удовольствия услышал за спиной приглушенный тенор с насмешливыми нотками:

– Вельмишановное панство, однако трескает без меня! Пореже мечите, Сергей Иванович!!

Обернувшись, смерил оценочным взглядом невысокого упитанного дядьку в шикарном костюме, белоснежной рубашке с бабочкой вместо галстука. Хитроватая усмешка с прищуром пытливых глаз отодвигала на задний план тыквообразность крупного черепа с блестящей плешью на маковке и сивой щетиной на висках. Через секунду вычислительный центр выдал на-гора нужный импульс:

– Юрок!! Репа!! – гаркнул, подскочив с дивана. – Все так же под Жванецкого косишь?!

Юрий Всеволодович Молодязев удостоился курсантского позывного Репа из-за конфигурации и габаритов своей далеко не глупой головушки. Среди прочих одесситов выделялся типичной внешностью пересыпского фармазонщика и повадками фонтанского биндюжника. В молодые годы здорово походил на Жванецкого, а теперь и вовсе заделался двойником уважаемого писателя-сатирика.

Вышел в отставку полковником с должности заместителя начальника экспертно-криминалистического управления одесской милиции. Один из немногих сумел защититься и на вольных хлебах заделался университетским преподам.

Репа выскользнул из объятий, отступил на шаг и залопотал в присущей Жванецкому манере:

– Одесса жила себе мирно, так нет! Притащился столичный гость, щоб он был здоров! Кстати, я задолго учуял на-

двигающуюся лажу. Как только в аптеке Вольдмана на Соборке скупили настойку боярышника, сразу поделился предчувствием с благоверной. Зоя нервно хихикнула и молвила, шо ежели то в натуре Слон, которого она помнит, будто весь этот гембель случился только вчера – пальмиру накроет дефицитом на горилку.

– Слон уже не тот, – парировал, возвратившись на место. – Встречу с зеленым змием закончил лет десять назад со счетом два-ноль в его пользу. Я сдался, но он не победил.

– Вечно ты со своими философскими заморочками, – Юрок отмахнулся, подсел к столу и уставился на Панфилова. – Чего сидим?! Рискуешь остаться пожизненным аспирантом! Наливай, давай!

– Я мигом!

– То-то, мой юный друг! А ты, мой старинный друг, надумь, как втолковать Зое, шо Слон в завязке? Как объяснить, шо это не хохма типа развала Советского Союза? Прикинь, до сих пор не верит!

– Я тоже.

– Проехали! О политике ни слова! Лучше выпьем за встречу, а потом за Дохода. Шоб с кичи поскорее слинял!

После череды тостов я уплел поджаристую отбивную с овощами гриль, а Репа разобрал запеченную баранью ножку.

Захмелевший подрюмяненный Панфилов улучил момент и деловито подметил:

– Юрий Всеволодович курирует мой кандидатский мини-

мум. Разумеется, консультирует по делу Недоходова. Ознакомился с экспертизами и заинтересовался телесными повреждениями на теле погибшей. Вернее, одним – ударом в шею. Моя позиция такова, что в пылу ссоры и потасовки возможно нанести подобный смертельный удар. Но если драка имела место, то должны быть другие повреждения. Таковых нет, кроме двух поверхностных гематом на запястьях. Будто потерпевшую удерживали, выверая решающий удар. Недоходов – крепкий мужик, но по натуре не драчун. К тому же далекий от всяких кунг-фу или айкидо, а удар в шею, по всей видимости, профессиональный.

– Сто процентов, – подтвердил Репа. – Сильный, хлесткий и точный. Убийца целился в сонную артерию справа под подбородок. Даже переусердствовал, будто нападал на здоровенного мужика. От удара разорвалась трахея, а третий шейный позвонок сместился и повредил продолговатый мозг. Практически мгновенная смерть.

Я закивал и дополнил:

– В боевом курсе спецслужб есть похожий удар. Применяется для бесшумного снятия часовых.

– Есть одно – но, как говорят в Одессе. Мало-мальски грамотный адвокат, изучив заключение судмедэксперта, легко опровергнет доводы о профессиональном ударе. Задаст вопрос – мог ли физически развитый человек без бойцовских навыков случайно нанести такой удар в сложившихся обстоятельствах? Сами знаете, как ответит эксперт. Я прав, Давы-

дыч?

– Безусловно, Юрий Всеволодович. Еще хотелось бы услышать ваше мнение о коробке с медведем.

Репа вытянул растопыренную пятерню.

– Имею три версии, – огласил и принялся загибать пальцы. – Во-первых, стоит учесть состояние психики Дохода. С бодуна не такое могло привидеться. Во-вторых – не исключено, что коробок мог выпасть из кармана настоящего душегуба. То есть он наследил неумышленно. И, наконец, третья версия, которая вздыбливает остатки волос и пиликает в башке, шо заигранная пластинка. Или как та мозоль от новых итальянских штиблет, шо Зоя купила на Привозе ко дню милиции. Короче говоря – это специально оставленный знак, и в таком случае, его нужно отыскать, кровь из носа!

Он замолчал и покосился на аспиранта. Панфилов потушился в тарелку с сациви и пробурчал:

– Прямо щас позвоню старшему оперу. Пусть еще разок

...

– Отставить! – прервал его куратор и ткнул перстом в мою сторону. – Пусть лучше Иваныч позвонит своему подручному.

– В рельс он позвонит! – я вспомнил о приобретениях и спешно выбрался из-за стола. – Мобилу позабыл зарядить. Щас вернусь!

Возле барной стойки подловил прыткого официанта и увлек за собой в подсобку. Там попросил не забесплатно ак-

тивировать сим-карту, подзарядить новый телефон и незаметно вернуть.

Прошествовав к столу, подсел к Давидовичу и спросил:

– Как думаешь, тезка – пасут тебя, а меня заодно с тобой или наоборот?

– Не понял?

– Сегодня помощник срисовал за мной хвост, а по дороге в Аркадию у водилы хитро выспрашивали, куда он везет клиента.

– Обложили, гады! – процедил сквозь зубы захмелевший следак. – Щас высмотрю и повяжем!

– Заглохните, Серж! – присоветовал Юрий Всеволодович. – Вам не для этого про хвост поведали. Ты детишек еще не нарожал, а у нас со Слоном уже внуки имеются. Понятно, что имелось в виду?

– Безопасность и бдительность. Виноват! Градус в бестолковку ударил.

– Жуй-закусывай, будущий кандидат наук! Разбегаться, конечно, не будем, но фильтруем базар и филигранно водим жалами. Короче, базарим за жизнь и не даем филерам повода напрягаться.

Немногим более часа мы проговорили под добрую закуску, но раскрепоститься не получилось. Панфилов заметно скис и скоро протрезвел, а Молодязев пытался подбодрить подопечного прибаутками.

Телефон вскорости зарядился и первым делом я набрал

секретный номер помощника, зафиксированный в смартфоне. После первого гудка Нюра сбросил вызов, а спустя минуту пришла эсэмэска с текстом: «На месте и на связи. Новостей пока нет».

В половине двенадцатого Репа вызвал такси и, раскланявшись, укатил восвояси. Давидович настоял, что обязан единолично расплатиться, так как является инициатором застолья. Я особо не сопротивлялся, но все же заказал в баре по чашке крепкого латте-макиато, как говорится, «на коня». Взбодрившись кофейным допингом, мы прогулялись по центральной аллее до площади с трамвайным кольцом.

Возможной слежкой не заморачивались. Особенно Панфилов, не оставлявший без внимания ни одну симпатичную девушку. Возле автостоянки он застопорил ход и указал на знакомую спортивную «ауди».

– Хмель из башки выветрился, – заверил, расправив плечи. – До дома прокачу с ветерком!

– Давай лучше я тебя провожу. Потом доберусь такси.

– Не! Так не пойдет! Я за вас в ответе. Волына на всяк случай под сиденьем припрятана.

– Лады! Только пообещай, не провоцировать наружку на обратном пути. Чтоб без гонок!

– Сто пудов! Я ж не пацан!

До поворота на улицу Красных зорь, казалось, не домчала, а долетели за пару минут.

«Топтуны точно не ожидали ралли по ночному городу, – подумал, махнув рукой вслед удалявшемуся болиду. – Небось, не успели. Постою недолго. Вдруг нарисуются неудачливые аутсайдеры».

Пробудился не от презентации молочника, а от назойливых трелей смартфона.

«Я же супруге не позвонил! – устрасила отгоняющая сонливость мысль. – Чую, грядет виртуальная клизма для поднятия тонуса!».

Вздохнул и, не посмотрев на экран – приложил к уху.

– Будто не расставались, – услышал энергичный голос Панфилова. – Пора просыпаться.

– Я уж думал, жена с утренним нагоняем, – облегченно выдохнул и снова насторожился. – Почему сам звонишь? У нас же режим конспирации!

– Отменил за ненадобностью. Не вижу смысла, коли вас все одно пасут. Тут спозаранку Юрий Всеволодович кипишет. Видите ли, не спалось ему. Подъедет к девяти. Вы тоже подтягивайтесь в прокуратуру. Сегодня вообще утро сюрпризов! Какой-то поп вас разыскивает.

– Кличка, что ли?

– Вроде нет. Звонил референт некоего отца Александра. Не понимаю, как узнали, где вас искать?

– Чего хотел?

– Оставил номер телефона, – проворчал Давидович и раздухарился. – Вот ведь несправедливость! У попов референты! У следователя прокуратуры даже писаря нет! Так что – диктовать номерок?

– Я конспирацию не отменял. Приеду, позвоню с твоего стационарного.

– Звонить не надо. Велено прибыть в Сиреневую рощу к монастырю. Позвонить с проходной. У них своя секретность.

– Через час буду у тебя.

Безусловно, я догадался, кто такой отец Александр:

«Похоже еще один сокурсник примкнул к нашей команде. Хотя торопиться с выводами рановато. Да и срочности, как видно, никакой. Если бы невмоготу – Сан Саныч появился бы среди ночи».

Натянув шорты, побрел к умывальнику. По двору шастало семейство отбывающих восвояси белорусов. Вместо утреннего выхода на пляж, сябры собирались в дальнюю дорогу. Загрузили свой старенький «фольксваген» до такой степени, что казалось, будто он стонет.

Зато был повод порадоваться: «Освобождается комната для моих помощников. Теперь спокойнее будет. Только бы скорее!».

Глава третья

БАТОН

Душный коридор районной прокуратуры на улице Черняховского, несмотря на утренние часы, был запружен посетителями. Зато в просторном кабинете Сергея Давидовича господствовала тишина. Еле слышался мерный рокот кондиционера, наполнявшего рабочее пространство спасительной прохладой.

Панфилов восседал за офисным столом, загроможденным электронными и компьютерными гаджетами. Молча кивнул, прижимая к уху телефонную трубку, и указал на кресло возле окна. При этом старался успевать записывать на развороте перекидного календаря.

Молодязев примостился на подоконнике с гримасой, отдаленно смахивавшей на улыбку, и салютовал запотевшим фужером с минералкой:

– Здорова, Слон! Слышал, тебя попы разыскивают? Отпевать, что ли?

– Это была шутка? – парировал, учуяв тягостную атмосферу. – Выкладывай, что стряслось.

– Убили Славу Костюченко. Помнишь, на курсе был женатик-бутуз? Компанейский такой. Пуфиком обзывали.

– Как не помнить, – ошеломленный известием я повалился в кресло.

Репа склонился и зашептал:

– Сеня-летописец первым узнал за убийство и побудку

спозаранку сыграл. Я бегом Давыдыча тормошить. Веришь?! Вот как тебя заранее ощущал вблизи, так и халепу эту кормой чуял! – он покосился на Панфилова. – Серж связался с опером из Суворовского, который на место выезжал. Ну, а твоя чуйка, какие сигналы подает?

– Аналогичные. Спичечный коробок перед глазами маячит.

– У меня улыбка Чеширского медведя. Про попа, что думаешь?

– Че тут думать? Батон стрелку забил.

– В цвет!

Я испытал спокойную радость, на миг приглушившую горесть после жуткого известия, и попытался воссоздать в памяти наружность приятеля юности, который, наконец, отыскал свое...

Коренной одессит Александр Александрович Саечкин получил курсантский позывной из-за фамилии, созвучной с хлебобулочными изделиями – сайка, ватрушка, батон. Хотя в облике ничего похожего не отмечалось. Сутулый, жилистый с увесистыми кулачищами и боксерским подбородком – Сашко напоминал неандертальца с картинки в детской энциклопедии. Спросите, почему не удостоился соответствующей клички? Все просто! Во-первых, из-за развитого интеллекта, веселого нрава и гротескового чувства юмора. То есть личностных признаков не характерных для первобыт-

ных людей. Во-вторых – за неандертальца можно было ощутимо схлопотать.

Вообразив Сан Саныча в рясе, бессовестно хохотнул и поспешил выправиться:

– Прошу извинить, это нервное, – потом сызнава нырнул в закрома памяти.

Повидаться с Батоном выпало лет пятнадцать назад. Оба тогда еще тянули ментовскую лямку. Саечкин служил важняком по линии УБОП и параллельно углублял познания в юриспруденции.

При встрече я заприметил некоторые странности в его обличии и поведении. Честно признаться, заподозрил, что дружбан подсел на допинг. Телодвижения заторможенные дерганые, будто покадровая видеосъемка. Потянутая речь при напрочь отрешенном взгляде и глянцевиые глаза с расширенными зрачками.

«Да нет же! У нариков зенки иначе блестят, – пытался себя утихомирить. – К тому же мутные, будто в горячке и злющие от безысходности. У Сашка – добрые жалостливые».

Из протрации вывел громкий шепот Молодыезева:

– Наши до сих пор в шоке! От Батона всего можно было ожидать, но такого! Раньше номера откалывал, только в другую сторону. Когда дослуживал – чуть не списали по больничке. Еле дождался выслуги и сразу подался в монастырь.

Одни шарахнулись, будто от прокаженного. Дескать, башню у Санька напрочь снесло. Другие вроде бы приняли выбор, но за глаза хихикают по сей день. Только плевать он хотел! Умудрился на новом поприще бугром заделаться. После рукоположения обзавелся приходом, церковь достраивает. Нашим помогает, ежели что. Короче, как был, так и остался своим пацаном.

– Чуйка тоже прежняя. Мигом меня вычислил.

– То Сеня-летописец растрезвонил. Ты же помнишь – Пуртев еще на первом курсе заделался массовиком-затейником. Потом пока трудился в сыске – поднаторел на компьютерах. Вышел в отставку и теперь заправляет крупным интернет-магазином. Недавно создал сайт нашего олимпийского курса. Почти все зарегистрировались. Учиняем кипиши на форуме за экономику и политику. Про Дохода всех оповестили, чтоб помогли, кто чем сможет. Сегодня – про Славика весточка разлетелась.

Колкий тревожный импульс заставил задаться вопросом: «Что такого сказал Юрок? Будто током шандарахнуло! Ну, конечно же! Олимпийский курс! В 80-м году школу милиции откомандировали в Москву для охраны порядка на олимпиаде. Оттого и прозвали курс олимпийским».

Поднял глаза и пробормотал:

– У медведя точно дебильная улыбка. Вот тебе и олимпийский курс.

В наступившей тишине слышалось, как лопаются пузырь-

ки в фужере с минералкой.

– Значится, наклейка на коробке не случайная, – выдохнул Репа.

– Сто пудов, господа полковники! – подал голос Панфилов, отложив телефон. – Предчувствие нас всех не обмануло.

– Жилы не тяни! – гаркнул куратор на аспиранта.

– Я и говорю, что заказуха. Выстрел в грудь и контрольный в голову. ТТ с глушителем брошен рядом с телом. По-терпевший приехал поздно с работы на поселок Котовского. У него там частное домовладение. Собирался загнать машину во двор, да не успел. Джип так и остался перед воротами. Жена проснулась посреди ночи, выглянула в окно... Дальше понятно. На закуску поведаю про медведя с дебильной улыбкой. В ладонь Костюченко вложен спичечный коробок с наклейкой «Олимпиада-80».

Молодязев издал то ли свист, то ли стон и прохрипел:

– Водки хочу!

– Коньяк сойдет? – Давидович потянулся к сейфу.

– Отставить, Серж! Бесконтрольно вырвалось. Последнее дело – набухаться при таком раскладе! Разве неясно, что какой-то шлимазл бросил нам вызов?! Не тебе, Давыдыч, а нам – бывшим курсантам олимпийского курса. Посему, расслабься – пасут не тебя.

– Уже дошло. Найти бы коробок...

– Во-во! Шо там твой подручный, Слон?

– Трудится. Должен отсемафорить.

– Тогда разбегаемся. Поеду к Пуртеву. Объявим полундру для экс-олимпийцев. Ты нанеси визит его преосвященству. Ждет ведь. Может, Батон чего подскажет. Будущий кандидат наук остается на хозяйстве.

Купленный накануне телефон известил о принятом СМС-сообщении. Немедля зачитал обнадеживающий текст, который мало-мальски приподнял расположение духа:

– Коробок в поддоне под плитой. Похоже, спецом заныкали. Водочную бутылку старший армян припрятал. Он тоже в тот день вырубился. Операм сказал, а те послали. Подробности при встрече. Заселяемся к Марии.

Панфилов вскочил и азартно потер ладони.

– Не зря мне русалка снилась! – сообщил, усмехаясь. – Помчусь изымать вещдоки.

– Жениться тебе пора, – проворчал Репа.

– Успеется, – отмахнулся следак и протянул мне клочок бумаги. – Номерок не забудьте. И разузнайте лично для меня – на фига попам референты!

Сиреневая роща на шестнадцатой станции Большого Фонтана – знакомое с юношеских лет место.

Последний раз довелось побывать в монастыре лет пятнадцать назад. Тем летом мы отдыхали с женой в Одессе, и в один из церковных праздников Оля настояла на паломниче-

стве. Я не испытывал восторга от подобной экскурсии, потому выпросился обождать ее в сквере за воротами. Батон подвез нас из центра на своей машине и составил мне компанию на скамейке.

Я пытался острить, маскируя неловкость, и долдонил о нынешнем веянии – демонстрировать направо и налево причастность к духовности. Саечкин молча кивал, а потом неожиданно попросил:

– Ты только не мешай ей, брат! Пускай своё отыщет.

– Что значит «своё»?! – завелся я с пол-оборота. – Чего ей по жизни не хватает?! Муж пить бросил, в семье достаток. Дети вроде бы правильными растут.

Сашко обнял меня за плечи и растолковал:

– Поиск своего – это соответствие разнообразных внешних проявлений внутреннему состоянию психики и духа.

– Ты, прям, со мной, как с умным базаришь! Давай замнем до поры...

Нынче в монастыре явные перемены. Возведены новые въездные ворота с колокольной, отреставрированы храмовые постройки. Облагороженная территория утопает в зелени, и совсем нет мусора. Вероятно – в таких местах люди стараются вести себя цивилизованно. Подтягиваются, как бы изнутри к невидимой границе меж мирским и мистическим.

У распахнутых настежь ворот на обычном кухонном табурете восседал тучный нестриженный дядька. Я поздоровался и спросил:

– Пропустите к отцу Александру? Сейчас только позвоню

...

– Неча трезвонить! Обожди тута, – привратник тяжело поднялся и пошкандыбал в сторожку. Отворив дверь, гаркнул в темноту. – Выходь, Данька! Заявился твой гость.

На пороге показался худой светловолосый парнишка в сером подряснике. Издали поклонился и поманил за собой.

«Откуда знает, что я, это я? – подумал, поспевая следом. – Вот ведь дурацкий вопрос! Он же референт у бывшего опера».

Обойдя колокольню, зашагали вглубь тенистой аллеи, но тут позади раздался грозный окрик привратника:

– Куда в бесовском одеянии?! Не пущу!! Побойтесь Бога!

Обернувшись, увидел служителя, затворявшего ворота и ощутил на себе изучающий взгляд лысого атлета в спортивных шортах и растянутой футболке. Препираясь с привратником, тот обнимал за талию сухопарую девицу в облегающем платьице с декольте, которая таращилась на меня поверх солнцезащитных очков.

«Неужто сопровождение? – предположил, ускорив шаг. – Тогда зачем скандалить, привлекать к себе внимание? Мне тоже незачем трактовать события вокруг, как преследова-

ние. Нечего дергаться, даже если это наружка! Пусть себе работают».

Поспевая за послушником, залюбовался ухоженной территорией с подстриженными кустами, цветущими клумбами, побеленными бордюрами. Золоченые купола с устремленными ввысь крестами переливались на солнце, а подражавшие им корабельные сосны – тянулись верхушками в небо, пронзая раскидистые кроны лип и каштанов.

Казалось – жара отступила, обернувшись невидимым покровом, позволявшим дышать полной грудью и обонять цветочный аромат.

Провожатый свернул на узкую аллею, выложенную тротуарной плиткой. Тенистый тоннель из сплетенных ветвей тянулся вглубь фруктового сада. То и дело приходилось кланяться, чтобы не задеть головой зрелые яблоки, персики и налитые грозди винограда.

Средь зарослей показался бревенчатый сруб, напомнивший карпатскую часовню. На ступеньке крыльца с резными перилами сидел Сан Саныч, облаченный в черный подрясник. Хитро улыбался и покачивал головой.

Довелось немедля признать ошибку:

«Напрасно я потешался, вообразив Батона в облачении. Скорее в ментовском прикиде он выглядел смехотворно. Вылитый дядя Степа в обмундировании с чужого плеча. Предомной – эталон священнослужителя без малейшего намека на мамон, присущий сану и возрасту. Налицо строевая выправ-

ка, к тому же гладко выбрит и коротко стрижен».

– Как правильно к тебе обращаться – батюшка иль святой отец? – пропыхтел, оказавшись в стальных объятиях.

– Вякнешь подобное, буду звать рабом Божиим! – пробасил Сашко и обернулся к послушнику. – Понаблюдай, Даниил, чтоб нелегкая филеров не принесла. Мы на поляне потолкуем.

Обогнув сруб, оказались на опушке леса. Свернули на тропу и, прошагав полсотни метров в зарослях малины, вышли на поляну. В тени старой яблони стоял дощатый стол с лавами, врытыми в землю.

Усевшись напротив друг друга, помолчали, разглядывая созревавшие на столе яблоки. Первым заговорил Саечкин:

– Удивлен? Не робей – выкладывай, как есть.

– Не так, чтобы очень, но контраст неслабый. Был опером – заделался священником.

– Еще и монашествующим. Удостоился рукоположения в процессе карьерного роста.

– В ментовке тоже мог выбиться в начальство.

– Мог, но верх одержали иные импульсы.

– Импульсы, говоришь? Вот, значит, как это называется.

– Неужто испытывал подобное?!

– Типа того, – кивнул, припомнив череду болезненных позывов, после которых отвернуло от горилки.

– Поделишься?

– Можно. Поначалу ощущал еле слышные сигналы, по-

хожие на далекий звон колокольчика – беспокойство, уныние, тоску. Трактовал их, как предостережение о ненормальном состоянии психики, которую привык раскрепощать алкоголем. Постепенно перезвон перерос в набат, сотрясавший воспаленные мозги – временами хотелось выть от безысходности.

– Понимаю, о чем ты. Со мной, правда, вышло иначе, но тоже по нарастающему вектору. В этих импульсах нет ничего сверхъестественного. Просто Всевышнему крайне необходимо достучаться до каждого из нас.

– Больно же и страшно.

– Как есть. Кому-то сразу обухом по головушке, с кем-то иначе – долгие уговоры, ненавязчивые намеки.

– Со мной особо не панькался. Пару раз предупредил, а потом долбануло так, что сквозь матрац на пол закапало.

Сан Саныч усмехнулся и подметил:

– Слава Богу, до подобного не дошло. Наверное, я покладистый. Хотя был прецедент, когда из кабинета могли прямиком в дурдом отвезти.

– Расскажешь?

– Сiju, подшиваю розыскное дело. Никого не трогаю. Вдруг будто вывернуло всего наизнанку. Дыхание застыло, шевельнуться не могу, а стены кабинета разъезжаются и растворяются в темноте. Чувствую, куда-то проваливаюсь, а свысока начальник меня изучает. Принесло же, как раз в тот момент. Тормозит за грудки, что-то лопочет. Я,

как та мумия египетская – ни гу-гу! Шеф подумал, что бухой в хлам. Обнюхал, а запаха нет. Повезло, что мужик адекватный. Гембель подымать не стал – отволок к себе в кабинет и по-тихому вызвал скорую. Эскулап меня облапал и говорит, что с такими симптомами они отвозят клиентов в дурку. Шеф еле упросил оформить вызов, будто у меня гипертонический криз. Короче насовали уколов и отвезли домой.

– Подфартило с начальником. Могли комиссовать.

– Нашлись доброжелатели! На следующий день в управу заложили. Что тут началось?! Гонцы стаями налетели. Начальнику объявили служебное несоответствие, меня отправили на военно-врачебную комиссию. Представляешь – полтора года до пенсии?!

– На раз бы всучили белый билет.

– Стопудово! Но случилось нечто диковинное. Обошел я всех врачей, как тут звонят из регистратуры. Говорят, чтобы повторно прошел психиатра. Ну, думаю – амба! Дотошный еврейчик в той комиссии самый главный. Делать нечего – пошел сдаваться. Мозгоправ взглянул на меня сурово и неожиданно объявил, что я не псих и здоров, шо буйвол. Таковым будет вердикт комиссии. Потом тихонько добавил, мол, реактивные ступоры, наподобие твоих – к медицине отношения не имеют. Ступай в церковь и потолкуй с разумным священником.

– Ничего себе! Я думал, что психиатры все чуть-чуть того.

– Значит, не все. Пару месяцев меня в маятнике качало.

Думал – в какую конфессию податься? Какая из них правильная? Где искать разумного священника? Напряг извилин и понял, что Всевышнего конфессиями разделить нельзя, а священники – всего лишь люди на службе у Бога. Какая разница, кому из них душу излить? Если у тебя зуб заболит, ты же не станешь собирать досье на дантиста. Пулей помчишься к первому попавшему. Так и здесь – если веришь, что Бог вразумит, то Он вразумит через любого священника. Главное – понять суть сказанного, а не отдельные фразы с интонациями. Набрался решимости и побрел в ближайшую церковь. Захожу, а возле алтаря два попа меж собой переговариваются. Поздоровался и выложил им все без утайки.

– Экстримал!

– Не было более мочи внутри носить. Поп, который помоложе, обратно к врачам отослал, а дедок седовласый вывел на улицу и надоумил идти в монастырь. Я оторопел! Неделю ходил, шо булыжником стукнутый! Проснулся однажды, побрился, вышел на улицу и – не понял, как оказался в обители. Слава Богу, попался мудрый наставник. Подсказал, как трансформировать неясные состояния в молчаливый молитвенный диалог. Как не отвернуться от мира и людей. Как научиться слышать и понимать голос Бога.

– Вот оно что, – проворчал я обескураженно. – Оказывается, тот набат в бестолковке следовало понимать, как приглашение к диалогу. Я-то думал, что крыша съезжает. Разве нельзя было со мной по нормальному поговорить?! Без вся-

ких ужасных гадов и кикимор.

Саечкин приснул от смеха и попросил:

– Подробнее с этого места, пожалуйста.

– Однажды, после череды праздничных застолий заступил я ответственным по управлению. То есть первую трезвую ночь коротал на службе. Происшествий не было, потому улегся в кабинете на раскладушке. Только начал засыпать, как вдруг ощутил, будто электрический ток гуляет по организму. Конечности затряслись, скрючились. Мозги застопорило паническим страхом. Стены, пол, потолок растворились, типа, как ты рассказывал. Короче, завис вместе с раскладушкой в кромешной тьме, и стали на меня прыгать ужасные страшилища о рогах и копытах. Клацали челюстями, царапались, пытались ухватить за горло скользкими лапами. Вонь разъедала глаза, в ушах – жуткий высокочастотный визг, будто спугнули стаю летучих мышей-вампиров. И тут я понял, почему люди страшатся смерти. Потом вдруг осознал, что беззвучно молюсь... Нет! Истошно ору внутрь себя, призывая и выпрашивая Бога. Мол, если ты есть, то помоги, а коль поможешь – завяжу с бухлом. Через минуту глюки исчезли, мышцы расслабились, дыхание выровнялось, а вскоре провалился в мертвецкий сон без сновидений. В кабинете было не жарко, но под утро проснулся мокрый, как хлющ. Подумалось – неужто обмочился? Ощупал подушку, а она тоже насквозь мокрая. Чуток отлегло, но пришлось подхватываться и собирать постель. Потом весь день ходил, как

зомби.

Рукоположенный монах беззвучно, но открыто и бессовестно ржал. Дождавшись финала, оправдался:

– Извиняй, дружище! С тобой покруче обошлись. Видать, постановили не тратить время на уговоры, чтоб мозги алкоголем не пожгло. Зато вразумили.

– Не до конца. Я попытался выполнить обет, но сорвался уже через неделю. В итоге пришлось дважды пересмотреть триллер с кикиморами. Каждый раз заканчивалось молитвами и обещаниями. Конечно, Бог помогал, а я нагло обманывал. Потом становилось стыдно, как воришке Альхену из «Двенадцати стульев». В конце концов – здорово на себя разозлился. Из-за слунтяйства объявил голодный бойкот. Как ни странно, диета вперемешку со злобой послужили сдерживающим фактором, но окончательно завязал, пообщавшись с ясновидящей.

– Как-нибудь расскажешь, – Сан Саныч посерьезнел, взглянул на часы и растолковал. – Если вкратце, то все, что с нами происходило, именуется сердечным призывом. Чуть ли не каждый день в монастырь приходят люди, испытывавшие подобное. Далеко не все могут постигнуть происходящее с ними, но со временем убеждаются, что Бог милосерден и человеколюбив. Познают, насколько велика разница между истинной любовью и нашим представлением о ней.

– Интересно, Доход с тобой согласится? – заартачился я. – Или как это сопоставить с тем, что случилось с Костюченко?

Слыхал, небось?

Саечкин закивал, а я попытался воссоздать в памяти наружность Пуфика.

Славик прослыл неправильным одесситом из-за того, что не куражился почем зря и не выпендривался. Выделялся спокойной рассудительностью, великодушием и гостеприимством. Женился до поступления в школу милиции, а на первом курсе стал отцом. Оттого в казарме почти не ночевал, хотя в наряды хаживал исправно.

Семья Костюченко не бедствовала, потому сокурсники были частыми гостями в просторном доме на окраине поселка Котовского. Родители Славика – приятные работающие люди, радушно принимали шумные компании, а миниатюрная жена-хохотушка знала и умела рассказать уйму одесских анекдотов.

Запомнился ползающий по дому Пуфик-младший с пустышкой во рту, а еще – теплота и уют, позволявшие отдохнуть душой.

Вскоре после выпуска до Киева долетело известие, что Костюченки родили дочурку.

Первенец Андрейко подрос и выучился сыскному делу. В районном угрозыске занял место отца после его ухода в отставку.

Словно разгадав мои мысли, Саечкин печально изрек:

– Тяжко сейчас семье. Андрей с батей крепко дружили, а Лиза вообще души не чаяла. Крестница моя. Полная противоположность брату. Тот – сорвиголова, а сестрица – тихая, скромная, рассудительная. Обучается банковскому делу. Частенько ко мне заходит. Собираюсь поехать, выказать соболезнование. Составишь компанию?

Не дожидаясь ответа, выудил из-под полы подрясника увесистый смартфон, поводил пальцем по экрану и, приложив к уху распорядился:

– Через десять минут подъезжай к воротам.

Ничего не оставалось, как молча плестись следом.

Больше часа колесили по улицам Одессы на белоснежном бусе с табличкой «Служебный» за лобовым стеклом. Стриженный парнишка-водитель в наутюженной белой рубашке уверенно маневрировал в бесконечных заторах.

Расположившись в пустом салоне на галерке, успели о многом поговорить. Батон поведал, что частенько общается с Семеном Пуртевым, Репой и еще несколькими сокурсниками.

– Поначалу всех, будто волной смыло, – изрек, печально усмехаясь. – Решили, что пулю башкой поймал. Со временем, правда, обвыкли, хотя не все. В стороне остались те, кто застрял в совковой категоричности. До сих под их колбасит

не по-детски. Моей вины в том нет – они сами так порешили. У подобных индивидуумов комплекс всеобиженности налично. Или на лице. Рыщут в поисках внешнего врага денно и ночью с уверенностью, что весь мир против них ополчился. Возомнили себя великими мучениками. Зато готовы поучать всех подряд, как правильно жить. Вот только сами не живут, как учат. Доход не из их числа. Ленька из-за попок начал деградировать, но совесть бесповоротно не пропил. Если бы еще со злопамятством и спесью вовремя разобрался. Олух Царя Небесного!

– Намекаешь на инцидент перед выпуском? Я приложил к тому руку...

– Погодь, пока договорю, – пригрозил перстом Саечкин. – Успеешь оправдаться. Я о том, что Доходу следовало сразу все прояснить. Можно же было разрулить без заносчивости. Будто фамилию свою оправдывает – Недоходов. Может для того и позывной дали с обратным смыслом. Авось дойдет?!

– Похоже, дошло.

– Кабы не было поздно! Ленька захаживал ко мне ранней весной. Возжелал поплакаться в жилетку. Тебя не позабыл упомянуть. Все свои беды свел к позорному исключению из школы, будто жизнь после того остановилась. Я ему говорю, мол, неразумно так думать и небезопасно. Можно в такое болото угодить, что потом не выберешься. Он только зубами скрежетал. Думаю, из-за спеси и гонора тормознули нашего Дохода похлеще, нежели тебя. Теперь говори, что накипело.

Вмиг ощутил, как заняло под ложечкой. Лицо стало мокрым от пота, будто какой-то пакостник плеснул ушат воды на раскаленные камни в парной.

– Вина на мне, – пробурчал и услышал свой голос, будто со стороны. – За то, что не поговорил с ним вовремя. Я ведь не сразу узнал, что Ленька меня обвиняет. Пуртев сообщил лет семь назад. Тогда и надо было разрулить. Может, не случилось бы...

– Отпускаются тебе грехи, – пробасил Сан Саныч с обстоятельным видом. – Принялась исповедь. Не было фальши и перекладывания вины.

– Не знал, что прощение настолько облегчает терзания. Осталось с Доходом утрясти.

– Успеется. Только не перебирай излишней ответственности. В данной ситуации нет абсолютно правых и виноватых. Каждый внес свою лепту, равно, как случившееся касалось каждого из нас. Пока непонятно – кого в какой мере. Время подскажет, тогда и выяснится, почему Всевышний свел нас воедино спустя столько лет.

– Согласен. Непосильно быть ответственным за все.

– Вот и ладно. Теперь о деле поговорим. Слышал, будто следят за тобой, а еще дознался о новых вещдоках.

– Откуда?! Я сам только узнал! Хотя, чему удивиться? Это ж Одесса!

Саечкин рассмеялся и успокоил:

– Не переживай! Ваша со следаком секретность не нару-

шена. Чтоб ты знал, у меня своя конспирация и топтуны свои. Не сижу, сложа руки, уповаю только на молитву.

Наконец, подъехали к дому Костюченко. В округе царил горестная тишина, усиленная безмолвным присутствием множества людей. У запертых ворот выстроились в ряд легковушки, а чуть поодаль, словно на стороже стояли милицейский УАЗ и карета скорой помощи. Возле калиток и на лавочках кучковались соседи.

В ухоженном дворе припомнилось застекленное крыльцо под красной черепицей. Навстречу поспешал милицейский капитан, схожий телосложением с поджарым Батоном. Не сдерживая слез, бросился в объятия священника.

– Как же так, дядя Саша?! – только и смог вымолвить, уткнувшись в рясу.

– Крепись Андрюша, – ответил Саечкин. – Отыщем душегуба! Познакомься с полковником Кучером. Тоже из наших. Он тебя помнит еще с пустышкой.

Капитан отстранился, протянул для рукопожатия пятерню и позвал в дом.

За порогом накрыло довлеющей прострацией. Подойдя к родителям Славы, бормотал шаблонные фразы, подумывая, как поскорее выбраться на свежий воздух. Подальше от гнетущего покрова, сотканного из скорби и боли утраты.

Супруга Костюченко и тоненькая чернобровая дивчина с белым, как стенка лицом – изо всех сил старались держаться. Жена говорила чуть слышно с кажущимся спокойствием.

Уверила, что помнит меня из-за прозвища, несвойственного внешности. Потом обессиленно выдохнула и разрыдалась, обняв дочурку. Дальнейшее стерлось из памяти.

Опомнился во дворе, повстречавшись с Молодязевым. Репа торопился в дом, а следом, чуть прихрамывая, шел седоусый мужичок, прятая глаза за зеркальными стеклами окуляров. Хоть не сразу, но я признал Сеню Пуртева.

Мы сдержанно обнялись, а тем временем двор заполонила добрая дюжина бывших сокурсников. Учитывая обстоятельства, встреча получилась по-деловому нешумной.

Потом снова образовался временной вакуум и продлился до момента, когда раздобревшие «олимпийцы» затолкались в монастырский бус. Кто-то предложил помянуть Славика, а заодно отметить встречу.

Галдящая ватага высадилась на Соборке, после чего Сан Саныч пожелал приятного времяпровождения и укатил в обитель. Начались прения.

Двое сослались на занятость и, распрощавшись, удалились. Оставшиеся определились с питейным заведением, а по дороге откололись еще трое, огласив различные предложения. В результате до уютного ресторанчика вблизи Сабанеева моста дошли пятеро.

Я уместился на диванчике рядом с Молодязевым, а Летописец занял место тамады во главе стола. Напротив, на мягких стульях с высокими резными спинками расположились шепотливый низкорослый Зуй и долговязый сухопарый Проф.

Шуру Самчукова смолоду обзывали Профессором или сокращенно – Профом. Невзирая на жару, он пребывал при полном параде. Импозантный дядечка в роговых очках с толстыми линзами, в безупречном костюме при галстукe и алебастровой сорочке – вправду походил на уважаемого деятеля науки. Александр Сергеевич таковым и являлся, только зарекомендовал себя профессором оперативных наук. Особенно по части тактических разработок и многоходовых разведывательных комбинаций. Стратег и аналитик высочайшего уровня! Врожденная хваткость позволила Профу всего через пару лет после окончания школы милиции обрести известность и авторитет среди оперсостава Одессы-мамы. Продолжая службу в областном аппарате угрозыска, носил полковничьи погоны, но мало кто знал наименование его должности.

Усевшись рядышком в бусе, я насмелился спросить, но получил лаконичный ответ:

– Шо попало.

К угловатому плечу Самчукова тулился Виктор Петрович, носивший несвойственную для советского милиционера фамилию – Зимбер. За неумную верткость и непоседливость он удостоился позывного – Зуй.

Если бы в советские времена популяризировали произведения Булгакова – Зимбера неизбежно прозвали бы Швон-

дером. Отнюдь не из-за схожести характеров, а вследствие внешнего подобия с Семеном Карцевым, сыгравшим роль председателя домкома в кинофильме «Собачье сердце».

Он появился на свет в семье провинциального околоточного, обслуживавшего участок в курортном пригороде Одессы. Скорее всего, вместо погремушек батя забавлял Витьку милицейским жезлом, в результате чего до выхода в отставку Зуй прослужил в отделе дознания ГАИ. На вольных хлебах возглавил крупную юридическую фирму, но друзья-товарищи знали, что это лишь видимая часть айсберга. Отставной полковник весомо котировался на одесском авторынке и мог порешать любой вопрос.

С Летописцем мы общались чаще, чем с остальными, невзирая на молчаливость и некоторую обособленность. Сеня Пуртев боготворил книги, читал их денно и нощно, выказывая задатки журналиста и литератора. В курсантские годы сочинял статьи для стенгазеты, славился рефератами по криминологии и правоведению, за что и удостоился надлежющего позывного.

Он первым нарушил тишину за столом, всматриваясь в экран смартфона:

– Внимание, господа! Я тут по сайту шарюсь, коменты по убийству Пуфика вычитываю. Стремная, однако информация проскочила.

– Можно без ораторской преамбулы?! – пробухтел Зуй.

– Вишня умер. Еще в прошлом месяце.

– Взводный?! – Молодызев округлил глаза. – Что случилось?

– Вечером заснул – утром не проснулся. Так написано. Остановка сердца.

– Кто сообщил? – справился Самчуков, поправляя очки.

– Аноним. Кто-то под таким ником зарегистрировался на сайте. Только вчера, кстати. Утром я выложил сообщение о гибели Костюченко, а пять минут назад появился комментарий про Вишню.

Теряя терпение, я поднял руку:

– Анонима можно вычислить?

– Вряд ли. Похоже, айди-адрес заблокирован.

Довлеющая тишина за столом, напомнила немую сцену из гоголевского «Ревизора». Через минуту Репа прокашлялся и деловито заключил:

– Рыба воняет от головы, как говаривал начальник нашего курса.

– Ты, о чем? – обронил Зимбер.

– Вся эта хрень могла начаться с Вишенцева. Потом приструнили Дохода. Следующим оказался Славик.

– Намекаешь на серию? – насторожился Проф. – Коробки с медведями только в Одессе фигурируют. Аноним написал, что у Вишенцева сердце остановилось. Думаешь, Недоходов и Костюченко как-то связаны? Имели общий бизнес?

– Да бросьте вы, Шура! – опередив Репу, выкрикнул Семен. – Какие из них компаньоны?! Последние десять лет Славик с Доходом точно не пересекались.

– Серийную версию придется отработать, – настоял я. – Хотя согласен, что смерть взводного как-то не вписывается. Во всяком случае, пока.

– Во-во. Коробок надо поискать, – Юрий Всеволодович заговорил полупшепотом. – Следак изъясил новые вещдоки по делу Дохода. Мы-то думали, что Лёнька сбрендил по пьяни, а он и вправду видал коробок с олимпийским медведем на этикетке.

– Слава прокурорским! Спасибо – до суда не довели! – желчно подметил Зуй.

– Отставить кипиш! – Репа повысил голос, зыркнув на критикана. – Не смей наезжать на подшефного аспиранта! Лучше за галстуком присмотри, шоб не заляпать фрикасе!

– Приторможенный у тебя аспирант, – не унимался бывший гаишник.

– Менты не лучше! Коробок, похоже, опера заныкали. Только сие недоказуемо. Зато появился довод в пользу серии. В коробке Дохода насчитали семь целых спичек с красными головками и один обломок. Эксперт говорит, что спички раритетные. Сейчас таких не выпускают. Коробок Костюченко аналогичный, только в нем шесть целых спичек и один обломок.

– Интересное кино получается! – оживился Летописец. –

По идее в коробке Вишенцева должно быть восемь спичек...

– Погоди, Семен! – не дал я досказать и поинтересовался у Репы. – Эксперт осмотрел бутылку?

– Химики изучают остатки водяры. Есть подозрение, что алкоголь с примесью. Армянин тоже вырубился почти на сутки.

После такого известия бывалые одесские сыщики стали наперебой делиться эпизодами из собственной практики. Наконец, поднялся Самчуков и, обращая на себя внимание – постучал вилкой по фужеру.

– Дозвольте слово молвить?! – испросил, прокашлявшись. – Дела подождут! Предлагаю тост за старую гвардию! Кто знал, что спустя много лет доведется встретиться при таких поганных обстоятельствах? Тем не менее, мы готовы к решительным действиям! Только не хочется верить, что кто-то из наших заварил эту кашу. Короче, разберемся. Виват, панство!

После того, как «гвардейцы» усугубили – Проф наклонился ко мне и зашептал:

– Что за история с топтунами? Всяческие хвосты в пределах области, это мой хлеб. Почему же я не в курсе?! Недоработку принимаю на свой счет, а ты береги нервы. Отныне за тобой будет глаз да глаз, – повысив голос, обратился к присутствующим. – Надеюсь, все в деле?

– А то! – отозвался Летописец.

– Шо за вопрос, Шура?! – поднял брови Зуй.

– Даже обидно! – насупился Репа.

Александр Сергеевич ухмыльнулся и продолжил:

– То слушайте сюда. Ваш статус в деле – неофициальный.

Будете фланировать на кошачьих лапах и туда, куда я скажу. Скрытно, бесшумно, неосяземо, но решительно! С этой минуты наша секретная операция обретает кодовое название: «Седьмой флот»!

Пенсионеры одобрительно закивали, услышав устаревший розыскной термин. Все помнили, что в структуре союзного МВД профильные главки значились под порядковыми номерами. Седьмое управление занималось секретными оперативными разработками в стане неприятеля, а на сленге именовалось седьмым флотом. По аналогии с седьмым флотом ВМС США, призванным реализовывать секретные форс-мажорные операции по всему миру.

Ближе к полуночи я добрался до временного пристанища на такси. Захотелось постоять у калитки.

Ласковый ветерок доносил низкочастотное буханье все-нощной дискотеки на «Чайке». С противоположной стороны – распускались и таяли в небе разноцветные зонтики фейерверков над Аркадией.

Во дворе минипансионата жизнь протекала своим чередом. В беседке под гроздьями винограда заседала шумная

компашка. По гоготу и обрывкам фраз несложно было заключить, что подогретые алкоголем отдыхающие неистово режутся в карты.

В располагающей к отдохновению обстановке не верилось, что где-то поблизости затаились соглядатаи. События прошедшего дня казались давно минувшими, и я впервые всецело осмыслил, что оказался на черноморском побережье в самый разгар знойного лета.

Послабление бдительности длилось недолго.

Добравшись до опочивальни, привычно осмотрелся и понял, что в каморке побывали посторонние. Контрольки оказались не на месте – чемоданный замок-молнию кто-то старательно застегнул. Я же всегда оставлял несколько зубчиков до ограничителей. Второй признак – полотенце, якобы брошенное в спешке поверх лежавшей на стуле одежды. Злоумышленники не могли знать, что после осмотра вещей нужно подвернуть уголок полотенца так, чтобы он оказался под футболкой.

Тем не менее, я пришел к выводу, что орудовали профессионалы. С виду обстановка оставалась ненарушенной и, конечно же, ничего не пропало.

Хозяйка пансионата требовала, чтобы постояльцы перед уходом оставляли ключи от комнат в аптечном шкафчике на веранде. Ценные вещи и документы можно было сдавать на хранение. Для этих целей в хозяйской зале был приспособлен массивный сейф, выполнявший функцию подставки под

телевизор.

Золота-бриллиантов я в поездку не брал, а ключ от каморки прилежно вешал в шкафчике на гвоздик. Оттого принял решение немедленно поговорить с Марией, нацелившись на ее звонкий голос, доносившийся из беседки.

Заприметив важного постояльца, хозяйка обрадованно запричитала:

– Идите к нам, Сергей Иванович! – потом обратилась к присутствующим. – Это родич мой по мужу из Киева. Большой начальник! Здесь по работе, заодно отдыхает.

Краснолицый упитанный мужичок моего возраста вытер о футболку ладони и, поднявшись, отрекомендовался:

– Борис. Очень приятно! – потряс мою руку и покосился на сухощавую блондинку с обгоревшими на солнце плечами. – Мы с Тамарой из Питера, а рядом с ней – Раиса из Донецка. Отдыхает сама!

Он сделал ударение на последнем слове и выразительно повел бровью.

Я же лишился дара речи, изумившись наружностью злачной женщины бальзаковского возраста. Должен признаться, что такого попугайского смешения цветов и стилей ранее наблюдать не доводилось. Короткая стрижка в стиле «панк» представляла собой ядовитую палитру из ярко-оранжевых, каштаново-шоколадных и огненно-красных пятен. В целом же смысл ретроградской композиции оставался секретом неизвестного цирюльника. Из-под палитры выглядыва-

ло пухлое личико, покрытое толстым слоем кофейной штукатурки с кругами малиновых румян. Причем полные губки бантиком и обводка округлых изумленных глаз имели одинаковый темно-фиолетовый окрас. Типаж искательницы курортных приключений подчеркивал цветастый сарафан в старорусском стиле с атласным рюшем, глубоким декольте и тонкими бретельками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.